Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Суббота, 5 декабря 1987 г. № 145 (6401)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 6 КОП.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

«ВДОХНОВЕНИЕ» ПРЕДЛАГАЕТ УСЛУГИ

Вспомним: к дверям первого кооперативного кафе, открытого в столице, выстраивалась очередь — людям хотелось знать, как там обслуживают, что предлагают. Первая кооперативная мастерская по ремонту бытовой техники тоже не искала клиентов — они тотчас и во множестве пришли сами. А вскоре в категорию привычных перешли сообщения: мастера, знатоки своего дела, энергично берутся за работу, с которой, увы, не справляются иные городские, не говоря о сельских, службы. В иных местах, как, например, в Вологде, даже составили своеобразные «красные книги» ремесел, и выяснилось, что требуются здесь гончары и плотники, фотографы-художники, переплетчики, изготовители украшений... Энтузиасты, согласные в свободное от основной службы время пополнять свой бюджет, взялись восполнить дефицит услуг и некоторых товаров. Хоть и великий минул срок, статистика сообщает: ныне в стране восемь тысяч кооперативов, на 134 миллиона рублей произвели они продукции.

Восемь тысяч, конечно же, не предел, кооперативов должно быть значительно больше. Но, если судить по сигналам, поступающим в редакцию, на пути людей инициативных нередко возводят преграды как раз те, кто обязан создавать им режим благоприятствования,— местные Советы. И не потому, что они противники кооперативов. Нет, они полностью поддерживают установку партии: необходимо энергичное решение насущных задач, которые прямо затрагивают каждодневную жизнь человека, создают у него хорошее рабочее настроение, дают возможность нормально отдохнуть, интересно и с пользой распорядиться личным временем. Но сильна еще психология недоверия и подозрительности, воплотившаяся в тривиальной фразе: «Это ж сколько они зарабатывать будут?!» И месяцами маринуются заявления организаторов будущих трудовых объединений, их отваживают под разными предлогами, словно забыв, какую важность приобретает сегодня всемерное развитие социального творчества трудящихся.

Да, сказывается и инертность местных органов, а порой и нежелание заняться этим вопросом, объясняемое боязнью ответственности. Но есть и другой фактор, явно сдерживающий активность людей, могущих умением, опытом, знаниями быть полезными землякам. «Как дальше будет развиваться процесс? Каким будет к нему отношение?» — в нерешительности выжидают они, наблюдают, анализируют. И вряд ли вдохновит их сообщение о том, что в Абовянском районе Армении из-за необоснованных придирок и запрещений распался кооператив «Норуйт», чьи товары народного потребления успели завоевать популярность. Что бесчисленные препятствия чинятся творческим группам молодежного центра услуг во Фрунзе, выполняющего заказы быстро, качественно и довольно дешево.

Подобная конкуренция иногда не устраивает руководителей предприятий, работающих кое-как и, следовательно, не во благо, а во вред клиентам. Известен случай, когда директор Нурекского телеателье обратился в исполком горсовета с жалобой: мол, «частники» мешают, раньше не было у горожанина выхода, волей-неволей нес телевизор в ателье, и оно без особых забот процветало. К чести горсовета, он не внял жалобе, рекомендовав директору навести порядок в своем хозяйстве.

К сожалению, позже, чем в сфере производства товаров народного потребления и общественного питания, начали возникать кооперативы культуры и организации досуга, оказания населению спортивно-оздоровительных услуг. Теперь появились первые ласточки. В Ашхабаде художники, архитекторы, дизайнеры образовали коллектив «Ылхам» («Вдохновение»), принимающий заявки на оформление интерьеров квартир. В своем уставе они определили собственную цель — повышать эстетику жилищ. В Омске при управлении культуры облисполкома родился кооператив «Праздник», членами которого стали сценаристы, режиссеры, артисты, музыканты, выступающие ныне устроителями семейных торжеств и вечеров отдыха на заводах, в колхозах. Аналогичную задачу взяло на себя и владивостокское «Творчество».

Учредители этих трудовых товариществ учли печальный опыт ряда кафе, открытых людьми, никакого отношения к подобного рода деятельности не имевшими. В частности, уроки тюменской «Мечты», где возле кухонной плиты орудовали не повара и кулинары, а просто жаждущие быстрого и весомого дохода бывший футбольный тренер, учитель физики, судмедэксперт. Их обеды посетители окрестили дорогостоящей халтурой. Понимая, что от халтуры не защищены и кооперативы типа «Ылхам», «Праздник», «Творчество», сюда принимали не всякого желающего, хотя желающих оказалось более чем достаточно. Претендент на членство должен пройти экзамен на мастерство, доказать свой профессионализм. В последующем его работа оценивается по отзывам заказчиков, в соответствии с чем и назначается вознаграждение. Берутся в расчет и отрицательные мнения клиентов — кооператив немедленно расстается с теми, кто подрывает его репутацию.

Нельзя не заметить: таких объединений пока чрезвычайно мало, хотя спрос на их услуги есть. Спрос не удовлетворяется, свидетельствуя об инертности управлений и отделов культуры, профсоюзных и комсомольских комитетов, которые обладают не только правом запрета, контроля, но и правом организатора, консультанта, помощника. И от них, как и от местных Советов, должны исходить импульсы инициативы.

Сегодня никто не сомневается: кооперативы, хотя они отнюдь не заменяют, а лишь дополняют сеть государственных предприятий и учреждений,— дело нужное. Нужное еще и потому, что, выступая соперниками, они побуждают эти учреждения и предприятия к поиску нетрадиционных, перспективных форм и методов работы. Еще только шел разговор об открытии в Харькове видеокафе, которое будет работать далеко за полночь, а Государственный академический украинский драматический театр им. Т. Г. Шевченко реагировал тотчас — реконструировал под зрительный зал одно из помещений, объявил о спектаклях для полуночников. В Чите те же обстоятельства побудили к эксперименту с ночными киносеансами, а кинофикаторов и комсомольцев Одессы — к созданию молодежного киноцентра...

Кооперативное движение, набирающее силу и размах, естественно — ведь прежде подобного не было! — встречается с трудностями. Среди них нехватка помещений, проблемы с материально-техническим обеспечением, повышением квалификации занятых в объединениях специалистов. Требуют более четкого определения, усовершенствования системы налогообложения доходов кооперативов, порядок контроля над денежными операциями, условия выплаты ссуд. В ряде городов обнаружили, что неизвестно, как в кооперативах вести кадровую работу, нужно ли заводить трудовые книжки. Кое-где деятельность кооперативов пустили на самотек, оправдывая это тем, что инспекция, мол, нарушит демократические начала. В результате же ловкие дельцы, воспользовавшись ситуацией, идут на обман и клиентов, и государства.

Очевидно, что коллективы, участвующие в кооперативном движении, не могут быть предоставлены самим себе. Зачастую все, чем они располагают,— желание и умение трудиться, некоторая денежная сумма для начала и расчет на собственную предприимчивость. Немного! Вот почему им необходима действенная помощь партийных, советских, хозяйственных органов, поскольку, как отмечено в опубликованном на днях постановлении ЦК КПСС, речь идет о государственной задаче, направленной на удовлетворение в кратчайшие сроки потребности населения в товарах и услугах.

А закончить заметки хочется новостью из Риги, подающей пример внимательного, заинтересованного отношения к делу: здесь вышел в свет первый номер информационно-рекламного бюллетеня «Для вас». Он выпущен кооперативным отделом горисполкома и посредническим кооперативом «Информсервис». Каждое объявление в бюллетене начинается фразой: «Кооператив предлагает услуги...»

В. СВИРИН,
редактор газеты по отделу информации.

Высококвалифицированные специалисты трудятся на ленинградской фабрике «Красный партизан». Предприятие выпускает до сорока аккордеонов ежедневно. Это «Заря-2», «Восход», «Рапсодия» и последняя новинка — «Юпга». Многие инструменты изготовляются по индивидуальным заказам, идет продукция «Красного партизана» и на экспорт — в ГДР, на Кубу, в Финляндию.

● *Один из лучших сборщиков А. Власов.*

● *В сборочно-выпускном цехе.*

Фото А. Демьянчука.

НОВОСТИ

В гостях — польская песня

«Музыкальная» посылка из столицы Польши получена в Министерстве культуры СССР. В ней — ноты произведений, предназначенные для участников Всесоюзного фестиваля польской песни, который впервые состоится в Советском Союзе в июле будущего года.

Местом проведения смотре не случайно выбран Витебск. Ведь этот белорусский город — побратим польской Зелена-Гуры, где уже более двадцати лет проходит фестиваль советской песни. Его визитной карточкой стали «Подмосковные вечера» и «Я люблю тебя, жизнь», «Пусть всегда будет солнце!» и «Темная ночь», которые и в наши дни звучат здесь в праздничных концертах. Эти и многие другие произведения в разные годы представляли зрителям почетные гости Зелена-Гуры М. Бернес, М. Магомаев, И. Кобзон, А. Пугачева и другие советские исполнители.

И вот теперь ответный фестиваль приходит на советскую землю. Скоро в Витебске тоже появится свой летний театр, где пройдут заключительные конкурсные концерты. Им будут предшествовать отборочные просмотры во всех союзных республиках.

Всесоюзный фестиваль польской песни организован Министерством культуры СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Всесоюзным музыкальным обществом.

Проблема глазами детей

Сюрприз взрослым преподнесли юные художники Стерлитамака. В фойе завода синтетического каучука, где завершилась сегодня выставка плаката, добрые отзывы посетителей получили детские работы.

Организовал вернисаж Стерлитамакский городской совет Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость. Его тема — борьба с пьянством и алкоголизмом. В выставке плаката могли принять участие все желающие. Неожиданным было то, что на призыв добровольного общества горячо откликнулась детвора. Ребята представили более половины от общего числа работ. Детская непосредственность и искренность, боль и переживания, которые юные художники вложили в свои работы, никого не могли оставить равнодушным.

— Одна такая выставка стоит доброго десятка однотипных, а порой и скучных лекций, так называемых антиалкогольных мероприятий,— сказал секретарь Стерлитамакского горкома партии Н. Исачкин.— Никак не ожидали, что участие детей в выставке плаката произведет такой эффект.

Башкирская АССР.

(ТАСС).

География праздника

Светом празднования 70-летия Великого Октября озарены Дни литературы и искусства РСФСР, начавшиеся в Азербайджане. Для участия в них прибыли делегация представителей трудящихся, деятели культуры, творческие коллективы Ленинграда и Ленинградской области.

География этого праздника дружбы и муз вбирает всю республику. Посланцы города на Неве встретятся с трудящимися Баку, Кировабада, Сумгаита, побывают в Нахичеванской АССР, Нагорно-Карабахской автономной области, ленкоранских субтропиках. Афиши приглашают на художественные выставки, фестиваль картин «Ленфильма», выступления мастеров искусств.

Деятели литературы и искусства Ленинграда и Азербайджана обменяются опытом работы в условиях перестройки и гласности, обсудят перспективы укрепления и развития своих традиционных связей.

Дни индийского кино в Хабаровске

Премьерой новой индийской художественной ленты «Сила любви» открылись в Хабаровске Дни кино дружественной страны. Они проходят в рамках Фестиваля искусств Индии в СССР. Дальневосточные зрители увидят также другие новинки индийских кинематографистов — фильмы «Артист» и «Маурия». Разнообразными жанрами был представлен фестиваль и на концертных сценах города. Неизменным успехом пользовались выступления ансамблей классической музыки и народного танца, исполнителей из различных уголков Индии.

ХАБАРОВСК.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

3 страница

● *В беседе с нашим корреспондентом писатель Олег Попцов рассуждает о нравственном выборе, о пути, проблемах, которые встают перед входящим в жизнь поколением.*

4 страница

● *Выставки, открывающиеся в преддверии очередного съезда художников СССР, всегда воспринимаются с особым интересом. Дала повод о многом задуматься и развернутая в Центральном доме художника Всесоюзная выставка произведений художников театра, кино и телевидения.*

5 страница

● Какие зарубежные ленты мы покупаем и как проката ваем их? Какие проблемы стоят сегодня перед «Совэкспортфильмом»? На эти и другие вопросы отвечает председатель В/О «Совэкспортфильм» О. РУДНЕВ.

6 страница

● *Около тысячи писем получила редакция на статью М. Игнатьевой «Восхождение к... скандалу!», связанную с именем Аллы Пугачевой. Публикуем обзор этой читательской почты.*

70 ЛЕТ ДОВЕРИЯ И ДОБРОСОСЕДСТВА

6 декабря наш северный сосед — Финляндская Республика, отмечает 70-летие своей независимости.

Семь десятилетий Великого Октября и семь десятилетий независимой Финляндии — на один год пришлись эти две юбилейные даты, что само по себе глубоко символично. Победа Октябрьской революции в России, рождение Советского государства во многом определили дальнейшую судьбу Финляндии. Не прошло и месяца после принятия финским парламентом декларации об объявлении Финляндии независимым государством, как Совет народных комиссаров РСФСР признал независимость Финляндской Республики. Так на практике осуществлялась ленинская национальная политика. В революционный 1917-й уходят корнями добрые, конструктивные отношения между двумя странами.

Мы попросили Чрезвычайного и Полномочного Посла Финляндской Республики в СССР ААРНО КАРХИЛО ответить на вопросы «Советской культуры», постоянным читателем которой он является, свободно владея русским языком.

— Во время недавнего рабочего визита в Советский Союз президента Финляндии Мауно Койвисто печать не раз называла отношения, существующие между нашими странами, «лабораторией разрядки». Когда и как зарождались эти отношения?

— Я встречал в газетах это определение и полагаю, что имелась в виду длительная успешная практика наших долгосрочных торговых отношений, широкий взаимовыгодный обмен материальными и духовными ценностями между нашими странами.

Как все начиналось? Вскоре после войны, в 1947 году, мы согласились предоставить друг другу режим наибольшего благоприятствования в торговле. Это был первый шаг, за которым последовало множество других, зафиксированных более чем в ста совместных соглашениях и протоколах. Но все они базировались на Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1948 года, 40-летие которого мы вскоре будем отмечать. В рамках этого основополагающего документа — срок его действия продлевался уже трижды — мы создали широкую систему соглашений и договоров, которые дают нам надежные ориентиры взаимодействия и сотрудничества.

— Что означает для Финляндии практика долгосрочных торговых отношений с СССР? Что нового появилось в этой области?

— Между нами существуют долговременные программы сотрудничества в экономике. Но сегодня созданы новые формы. Это нечто большее, чем просто торговля. Это производственная кооперация, означающая, что обе стороны непосредственно участвуют в самом процессе производства.

В июне этого года было создано первое совместное советско-финское предприятие, в ноябре уже возникло четвертое. На этот раз партнером с нашей стороны явилась крупнейшая фирма «Пэурюя», консультирующая в области лесной и деревообрабатывающей промышленности. Сегодня некоторые советские предприятия устанавливают прямые связи с финскими фирмами.

Нам, финнам, лестно сознавать, что мы первыми среди западных партнеров Советского Союза прокладываем новые пути в деле создания совместных предприятий и проектов. Сейчас этому примеру следуют и другие страны Запада. Ясно, что этот процесс доказывает возможность и полезность сотрудничества стран с различными политическими системами.

Финляндия — страна с ограниченными природными ресурсами. Давние деловые связи с Советским Союзом — нашим великим соседом — положительно влияют на нашу экономику. Дают нам запас прочности против колебаний на мировом рынке, дают дополнительные материальные и духовные ресурсы и возможности для развития страны и общества.

— Что можно сказать о межгосударственных связях наших стран?

— Многолетние дружественные отношения связывают парламент Финляндской Республики с Верховным Советом СССР. Ими также созданы совместные комиссии по двустороннему сотрудничеству в различных областях: экологии, торговле, социальных отношениях. Проводятся семинары экспертов, обмен информацией. Через эти каналы мы можем активно и действенно сотрудничать.

Вот пример уникальности наших связей: в соответствии с Соглашением 1944 года Советский Союз получил в свое распоряжение военную базу Порккала-Уд, принадлежавшую ранее нам. 11 лет спустя СССР решил вернуть эту базу, важную для Финляндии. Этот акт доброй воли значительно укрепил в нашей стране доверие к СССР, еще убедительнее доказал прочность и уважительность наших отношений. Другой пример. В этом году советско-финские отношения ознаменовались еще одной памятной датой: 25-летием со дня аренды Финляндией Сайменского канала, дающего нам прямой выход к водным артериям. Канал этот, берущий свое начало в СССР и заканчивающийся на территории Финляндии, позволяет судам двух наших да и других стран беспрепятственно выходить на просторы Балтики.

— Советский Союз привык к надежности финских поставщиков и строителей, качество работ финской стороны заслуживает доброго слова. Не могли бы вы назвать некоторые объекты, совместно построенные в наших странах?

— Это сооруженный при содействии СССР финский металлургический комбинат в Раахе, выпускающий до 700 сортов стали. Там же сейчас строится и коксохимический комбинат. Горно-обогатительный комбинат на границе наших стран в городе Костамукше. Металлургический завод и завод по производству молока в Норильске. Заводы, гостиницы, фабрики в Ленинграде, Эстонии (там же и Новo-Таллинский морской порт). Целлюлозно-бумажный комбинат в Светогорске и т. д.

— Разносторонность и плодотворность наших отношений не вызывают сомнений у советских людей. А что вы можете сказать по поводу термина «финляндизация», которым то и дело пользуется западная, особенно англоязычная пресса?

— Этот термин действительно бытует на Западе среди некоторых ученых и журналистов (и не только среди советологов). Те, кто его придумал, как бы пытались устрашить Западную Европу, предостеречь ее от сближения с вашей страной. Призывали с большей осторожностью относиться к Советскому Союзу, не доверять ему. В той «устрашающей» для Финляндии картине, которая нами рисовалась, наша страна оказывалась якобы беззащитной перед лицом грозного врага — СССР — и потому-де, не могла проводить суверенную политику. На это мы отвечаем так: советская сторона никогда не допускала неуважительного отношения к нашему суверенитету, не подвергала риску интересы нашей безопасности. Факты жизни, реальная действительность подтвердили нашу правоту. Надуманность этой концепции, самого термина «финляндизация» стала очевидна всем. И хоть пытались его использовать для предостережения других западных стран, он явно не сработал».

— Общеизвестно, что ваша страна добилась устойчивого экономического роста, достойного уровня жизни для своих граждан. Но сегодня существует еще и понятие «качество жизни». Высокое ли качество, видимо, отличает Финляндию от некоторых других стран?

— Социальная философия нашего общества такова: мы хотим развивать свою страну таким образом, чтобы все слои населения могли достаточно хорошо жить, чтобы не было слишком большого разрыва между жизненным уровнем людей. Для этого мы ввели прогрессивный налог, регулирующий «чистый» доход.

В Финляндии существует высокий спрос на качество труда: стандарты выше, чем во многих странах. У нас нет дефицита государственного бюджета. Наши внешние связи — в частности с СССР — стабилизируют экономику страны, служат стимулом для поддержания активной конъюнктуры. В Финляндии запрещена свободная продажа оружия, отсюда — меньшая преступность. Не так остро, как в других странах, стоит проблема безработицы и наркомании. Кроме того, у нас невелики расходы на армию и вооружение, поскольку нам никто не угрожает.

— Но, как и в любой другой стране, у вас, очевидно, тоже есть проблемы. В чем они?

(Окончание на 7-й стр.).

ГАЗЕТА ВЫСТУПИЛА. ЧТО СДЕЛАНО?

«На ковер вызываются...»

Костромской обком КПСС проверил факты, изложенные в корреспонденции, опубликованной под таким заголовком в «СК» от 6 VIII с. г., и сообщает, что основания для критики имеют место. Действительно, Вохомский райком партии ослабил руководство газетой «Вохомская правда», принизил ее роль в борьбе за устранение недостатков в хозяйственной деятельности и воспитательной работе среди трудящихся, не принимал мер к должностным лицам, допускающим отписки. Бюро райкома партии 21 ноября 1986 года объявило выговор редактору районной газеты К. Скрябину за публикацию рейдового материала «У кормов... и без кормов», потребовало привлечь к административной ответственности специалистов РАПО, участвовавших в рейде.

Всем этим фактам была дана партийная оценка в апреле 1987 года. Бюро обкома КПСС рассмотрело вопрос «О неправильном отношении Вохомского райкома КПСС к критическим выступлениям в печати». За попытку зажима критики в прессе, слабое руководство районной газетой первому секретарю райкома КПСС Г. Скдорову объявлен строгий выговор. Бюро райкома партии отменило вышеназванное постановление от 21 ноября 1986 года. Перед работниками РК КПСС поставлена задача остро и оперативно реагировать на критические публикации печатного органа, строго спрашивать с хозяйственных руководителей и секретарей парторганизаций за факты игнорирования критических выступлений газеты, оказывать постоянную помощь и поддержку редакционному коллективу в борьбе за действенность публикаций.

В настоящее время Г. Скдоров освобожден от обязанностей первого секретаря райкома партии. Инструктору отдела организационно-партийной работы обкома КПСС М. Колышко за проявленную небрежность при замене неправильно оформленных листов протокола заседания бюро Вохомского райкома КПСС объявлено партийное взыскание.

Усилено внимание к вопросам партийного руководства печатью. Эти проблемы регулярно обсуждаются на заседаниях бюро обкома, горкомов и райкомов КПСС, по критическим публикациям газет принимаются конкретные шаги. Бюро обкома КПСС рассмотрело также записку отдела пропаганды и агитации обкома о повышении действенности аналитических выступлений районных газет и направило ее в партийные комитеты для принятия мер.

Жалобы жителей поселка Вохма на нарушение в распределении жилья проверены партийной комиссией обкома КПСС. В связи с этим бюро Вохомского райкома партии рассмотрело вопрос «О нарушении жилищного законодательства райисполкомом и некоторыми руководителями предприятий и организаций поселка Вохма». Бюро РК КПСС за нарушение партийной этики, личную нескромность объявило выговор председателю РАПО В. Некову. Ему, а также директору РПУ бытового обслуживания населения Г. Глушкову отказано в выдаче ордеров для заселения в новые квартиры.

За злоупотребление служебным положением, выразившееся в смене двух квартир, заместителю председателя райисполкома Л. Поповой объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. За самовольное занятие квартиры без получения ордера начальнику ПМК «Сельхозмонтаж» Н. Ширяеву объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Осуждены непартийное поведение и нескромность директора лесопромхоза А. Храмова и начальника орса леспромхоза А. Неганова при строительстве и получении жилья.

Нарушений жилищного законодательства со стороны секретаря Вохомского райкома КПСС Н. Гуровой не установлено.

В район направлена комплексная бригада работников обкома партии для оказания практической помощи партийным комитетам и трудовым коллективам по перестройке работы в новых условиях.

В. ТКАЧЕНКО,
секретарь Костромского обкома КПСС.

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
О награждении тов. Макаровой Т. Ф. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советского киноискусства наградить профессора Всесоюзного государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова тов. Макарову Тамару Федоровну орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. ГРОМЫКО.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.
Москва, Кремль.
3 декабря 1987 г.

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
О награждении тов. Наумова В. Н. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советского киноискусства и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить режиссера киностудии «Мосфильм» тов. Наумова Владимира Наумовича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. ГРОМЫКО.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.
Москва, Кремль.
4 декабря 1987 г.

Дни литературы Сибири в Казахстане

В канун этого праздника дружбы республиканское издательство «Жазушы» («Писатель») выпустило книгу «Сторона Сибирская», в которую вошли произведения почти пятидесяти авторов-сибиряков, в том числе В. Распутина, В. Астафьева, Р. Солнцева, С. Данилова, В. Макеева...

Торжественное открытие писательского форума состоялось 1 декабря в Алма-Ате в Центральном концертном зале. На другой день писатели отправились по разным маршрутам, в области Кзыл-Ординскую, Чимкентскую, Джамбулскую, Талды-Курганскую... В программе поездок — встречи с читателями в рабочих и сельских домах культуры, студенческих аудиториях, школах, в цехах, на фермах, на строительных площадках. На заключительном вечере в Алма-Ате сибиряки поделятся своими впечатлениями от поездок по республике.

(Наш соб. корр.).
АЛМА-АТА.

Юбилей поэта-борца

Всесоюзная юбилейная научная сессия «Абулькасим Лахути и советская многонациональная культура», посвященная 100-летию со дня рождения революционного поэта Востока, состоялась в Душанбе.

В сессии приняли участие исследователи творческого наследства А. Лахути, писатели из Москвы, Ленинграда, Казахстана, республик Закавказья и Средней Азии.

Официальные мероприятия, посвященные юбилею А. Лахути, открыл международный симпозиум «Поэзия в борьбе за мир и социальный прогресс».

Л. МАХКАМОВ.
(Наш соб. корр.).
ДУШАНБЕ.

В защиту природы

«Давайте обитать вместе» — так называлась программа, организованная по инициативе Советского комитета защиты мира, Советского фонда зоопарков и Всесоюзного объединения «Союзконцерт».

4 дня в спортивно-зрелищном комплексе «Измайлово» шло эстрадно - театрализованное представление, посвященное одной из самых насущных проблем современного человечества — экологической. Сбор от одного концерта — 10 тысяч рублей — перечислен в Советский фонд зоопарков.

В программе приняли участие Жанна Агузарова и группа «Браво», Марина Капуро и ансамбль «Яблоко», певец и композитор из Великобритании Билли Брэгг, финская рок-группа «Кадотетут», театр-студия «Марионетки», Джуна Давиташвили, Борис Гребенщиков и группа «Аквариум».

В. АБАРИНОВ,
М. ФИЛИППОВА.

Знакомство у самовара

Добрым началом можно назвать вечер, прошедший в новосибирском Доме актера.

Горком профсоюза работников культуры и областные отделения всех творческих союзов провели встречу творческой молодежи города. Выставка работ художников, показ документальных фильмов, выступления композиторов, концерт, шуточные картинки из жизни редакции молодежной газеты, а затем беседы за самоваром — такова была программа вечера. Встречи молодых работников искусств отныне станут традиционными.

Т. СИТНИКОВА.
(Наш соб. корр.).
НОВОСИБИРСК.

РАБОТАТЬ, МЫСЛИТЬ, ОТВЕЧАТЬ

1 декабря в ЦК КПСС состоялось совещание руководителей центральных и республиканских средств массовой информации, работников науки и культуры, посвященное вопросам их работы на новом этапе перестройки, в условиях развития процессов демократизации и кардинальной экономической реформы.

Перед участниками совещания выступил член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев. Он, в частности, сказал:

70-летие Великой Октябрьской социалистической революции подчеркнуло значение революции нынешней, цель которой — поднять социализм на новую ступень развития. Оно подчеркнуло глубинный смысл перестройки, ее неотвратимость, сложность ее задач, меру взятой ответственности.

Этот год окрашен теснейшим сплетением, взаимодействием прошлого, настоящего и будущего. Нам особенно близкой и понятной стала атмосфера напряженного ленинского поиска, в которой рождался социализм. В зале Дворца съездов мы ощущали годы 20-е и 80-е как единое, нерасторжимое целое.

Нынешний год отмечен созданием идейно-теоретической концепции перестройки в основном и главном. Январский, июньский Пленумы ЦК КПСС дали огромный, во многих отношениях беспрецедентный вклад в теорию и практику социализма в нашей стране.

Политической кульминацией года стали ноябрьские торжества в Москве, доклад М. С. Горбачева на торжественном заседании 2 ноября. Доклад поставил перестройку в большую социально-историческую перспективу, связал процессы сегодняшние с их истоками и корнями в прошлом, показал внутренние и международные перспективы советского общества.

С чем вступаем мы в новый этап перестройки? Платформа перестройки у нас есть. Создана атмосфера готовности ускорить движение страны вперед. Идеологическое состояние общества здоровое. Очевидны огромные сдвиги в международных аспектах перестройки. Есть необходимый теоретический и политический задел в виде партийных, государственных документов. Все это — актив перестройки.

Но остается еще и пассив. Застой и консерватизм сдали пока только первые свои укрепления. Впереди еще очень много завалов, все они заминированы прошлым. Мы уже ощутили на практике диалектику перестройки, ее собственные противоречия. Увидели, как подкрадываются к ней консерватизм и авангардизм — эти недруги здорового развития, обладающие особым коварством.

Здесь и скрыты противоречия нынешнего этапа перестройки, сильно, выпукло заявляющие о себе и в духовных процессах. Эти противоречия не только в сложности задач или их новизне. Они еще и в том, что за годы застоя кто-то отвык, кого-то отучили, кто-то не успел, не смог даже узнать три важнейших человеческих качества: работать, мыслить и отвечать.

Именно в этом смысле идет речь об оздоровлении общества. Нельзя понимать такое оздоровление только как избавление от преступности, коррупции, очковтирательства, бесхозяйственности, браконьерства, пьянства и тому подобного. Таких явлений не должно быть вообще — с перестройкой или без нее.

Оздоровление общества мы должны, обязаны рассматривать гораздо глубже: как неукоснительное утверждение в жизни культа труда, культа мысли и здравого смысла и культа ответственности. Это нужно обществу, чтобы оно могло идти вперед, сбросить с себя окончательно и бесповоротно думаи самодовольства и самоуспокоенности. Это нужно каждому человеку как фундамент чувства собственного достоинства, как необходимая основа подлинной, настоящей жизни, которая не будет толкать к нравственным наркотикам. В утверждении этих качеств — высший смысл и цель перестройки, ее гуманистическое содержание.

Перестройке менее всего нужно воспевание, захваливание, некритическое восприятие. В начальный ее период многие еще по привычке въехали на инерции готовности к любой кампании. И в том смысле минувшие два с половиной года были очень поучительны, стали как бы фильтром времени, отделявшим инерцию говорильни от выстраданного, нелегкого пути к перестройке.

Но времена изменились. Сейчас особенно бережно надо относиться к накопленному опыту перестройки, и прежде всего к опыту демократизации, гласности. Терпимо относиться к отдельным поискам, поддерживать удачи, привыкать к необычному, не стараться быть судьями во всем и вся. Надо учиться уважать оппонента, не считать его непременно злоумышленником, отвинчивающим гайки у социализма. Это значит и в нашем идеологическом цехе учиться перестройке, учиться жить и работать в условиях демократии не на словах, а на деле.

Судьбу перестройки определяют два ключевых направления — демократизация всей общественной жизни и кардинальная экономическая реформа. Специфика этапа — в их неразрывности, единстве. Искомое новое качество даст лишь целостное, органическое сплетение того и другого, когда процесс демократизации опирается на кардинальную реформу экономики, черпает силу в разбуженном интересе трудящихся, а экономика, в свою очередь, ощущает стимулирующее воздействие демократизации.

Проблема противодействия перестройке нередко упрощается — и в обыденном сознании, и в выступлениях печати. Да, есть сопротивление перестройке тех, кто готов любые интересы, цели, ценности общества принести в жертву собственному эгоизму, сугубо личным притязаниям. Но с ними, как говорится, все ясно.

Крайне силен у нас консерватизм инерции, консерватизм покоя, привычки, удовлетворенности собой. Спросите таких людей: что, они против перестройки? Да они обеими руками «за». Но доходит до дела, и срабатывают прежние стереотипы мышления, работы.

Действительное борение противоречий в сознании, в деятельности людей, в жизни общества проходит вовсе не по линии «за перестройку или против нее». Вопрос поставлен иначе: «за какую перестройку».

В этой связи с огромным вниманием надо отнестись к предупреждению, которое прозвучало в докладе М. С. Горбачева,— о консерватизме, обладающем способностью к реваншу. И о псевдореволюционном авангардизме, способном не двинуть нас вперед, а отбросить назад, какими бы ультраперестроечными лозунгами он ни прикрывался. Необходимо точно знать, тщательно разобраться: каковы в современных условиях социальные корни этих явлений, какова вообще специфика их существования, действия в условиях социалистического общества.

Политически и практически самая важная разграничительная линия проходит сейчас между теми, кто выступает за действительно радикальную перестройку, за такое обновление общественных форм, общественных отношений, которое откроет перед страной, социализмом широкие перспективы на длительное время. И теми, кто выступает за неторопливое совершенствование, частичную модернизацию имеющегося, но боится, не хочет или не может идти на радикальные преобразования.

Но в условиях социализма бороться с консерватизмом, искусственным авангардизмом, негативными явлениями можно только сочетанием демократического процесса с утверждением в обществе таких отношений, такой его организации в экономике, политике, культуре, чтобы сам этот порядок стимулировал здоровые явления, здоровое развитие. Неприятие неприемлемого должно идти только на основе гласности и демократии, через народ, через общественность. Другого пути нет.

От печати зависит чрезвычайно много. Нужно, как говорил М. С. Горбачев, чтобы она усилила свой боевой настрой, открыла второе дыхание. Сейчас от средств массовой информации требуется прежде всего компетентность в важнейших вопросах жизни общества, перестройки. Тему демократизации в единстве с проблемами кардинальной экономической реформы с налету не возьмешь. Хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование — сложные процессы, требующие от журналиста, редактора широких познаний. Хозрасчет сегодня — ключевая проблема экономики. Отсюда и задачи средств массовой информации.

Богатство нашей внутренней жизни, взглядов, оценок должно находить отражение и на страницах печати. Многим предстоит как бы заново найти своего читателя, свои особенности общения с ним, свое лицо. У кого-то эти процессы продвигаются успешнее, у кого-то труднее. Ничего удивительного, что сейчас, на продвинутой стадии перестройки, может произойти некоторая перегруппировка среди изданий, являющихся авангардом перестройки.

Время идет. То, что было недозволенным, становится уже привившимся. То, что казалось броским, конъюнктурным, непривычным, тоже перестает быть таковым. Вдумчивый, серьезный читатель начинает все больше обращать внимание не только на тему и форму, но и на содержание. Вот почему М. С. Горбачев говорил о необходимости второго дыхания прессы.

Гласность — линия твердая, с нее ЦК сворачивать не намерен. Защищать журналистов от необоснованных обвинений, гонений мы будем самым решительным образом и впредь. Но настала пора со всей откровенностью и честностью сказать и о другой стороне проблемы. Слишком часто в последнее время низкая профессиональная компетентность журналистов, небрежность, недобросовестность при подготовке материала, работа спустя рукава приводят к тому, что фактически наносятся удары по гласности и перестройке. Точность, как известно,— не добродетель, а долг журналиста. Знание фактов, знание дела, о котором пишешь,— краеугольное требование к любому выступлению.

Перестройка заметно активизировала людей, идет настойчивый коллективный поиск. Многие издания, телепередачи давно ведут целенаправленный рассказ о прорабах перестройки. Один делают это более регулярно, другие — менее. Но нередко преобладает тональность личностно - описательно - восторженная.

Надо и о человеке доброе слово сказать, и хорошие результаты отметить. Но еще важнее сейчас показать, как же конкретно все это достигнуто. Очень много на всех участках у нас людей, которые всей душой хотят, но просто не умеют работать по-новому. Их не надо агитировать за перестройку, их надо научить. Подтолкнуть их мысль, дать им необходимую информацию, рассказать откровенно о трудностях, которые их ждут, средствах и способах преодоления этих трудностей. В этом сейчас заключается большая общественная потребность.

Особую значимость приобретает сейчас и такая новая для нас тема, как формы и методы борьбы против критики. Зажимщики тоже перестраиваются, становятся изощреннее, а «наука» о торможении, о зажиме критики — более тонкой. К критике, гласности успели привыкнуть, уже выработали против нее иммунитет. Произошел своего рода естественный отбор: зажимщики критики стали умнее, устойчивее, изворотливее. Они при необходимости и сами поддержат критические выступления. Суть, конечно, от этого не меняется — зажим есть зажим.

Вопрос этот принципиальнейший. В нем так или иначе отражаются, преломляются конкретные позиции, конкретное отношение парткомов, хозяйственных и иных органов и печати, выступлениям трудящихся, к перестройке вообще. И на принципиальном уровне ответ тут однозначный: ослабить критику, остановить ее —значит ослабить, остановить перестройку, создать предпосылки для возникновения застойных явлений. Но, видимо, и в критических выступлениях надо искать новые формы, пути, приемы — не отказываясь, разумеется, и от испытанных. Выявить и разоблачить зажимщиков критики можно только на одном — практических результатах.

Огромный резерв прессы — письма трудящихся. Заметно возросла доля писем-анализов, писем-размышлений, писем — постановок проблем, вопросов для обсуждения. Это огромный интеллектуальный потенциал, который должен быть поставлен на службу перестройке, народу! Не надо бояться их внутренней противоречивости, неприглаженности.

Письма читателей — и эффективное средство против социальной демагогии. Ее у нас хватает. Демагогия — чрезвычайно легкое занятие. Заняться примитивным разоблачительством, поиском козлов отпущения — ни труда, ни ума не требуется. Не нужно для этого ни серьезных знаний, ни подлинного умения, ни глубокого напряжения души и мысли. Не требуется все это ни от самого демагога, ни от того, кто готов внимать его горячительным проповедям. Демагогия сегодня — это особая форма социальной истерии.

Это надо видеть, надо не поддаваться на внешне обманчивые, «перестроечные» заклинания, за которыми нет ничего, кроме неистового желания вычерпывать у общества все лучшее самой большой ложкой, не отдавая обратно ни гроша, паразитировать безнаказанно на труде, чувствах, интеллекте людей, на социализме.

Далее А. Н. Яковлев остановился на вопросах роли партийных организаций на следующем, критическом этапе перестройки, в преддверии подготовки к XIX Всесоюзной конференции КПСС. Он подчеркнул, что к партийным комитетам, к первичным парторганизациям сходятся по существу сегодня все нити перестройки, именно на их плечи ложится самое трудное бремя работы.

Однако мы еще не можем сказать, что пресса дает крупномасштабную картину ведущей роли партии в перестройке. Недостаточно показываются как лучший опыт партийной работы, так и ее типичные недостатки. Не секрет, что в ряде случаев первичные парторганизации, призванные быть политическим ядром, генератором перестройки в трудовых коллективах, действуют вяло, самоустраняются от решения многих вопросов, предпочитают не вмешиваться в сложные ситуации, живут по-старому.

Максимум внимания должен сейчас быть направлен на деятельность первичных партийных организаций, их комитетов. Не с целью выискивания недостатков и огрехов, а с тем, чтобы разобраться в реальных делах: вот успех, его слагаемые, а это — неудача и ее причины. А вот это — настоящие, невыдуманные проблемы, которые рождаются сегодня.

А. Н. Яковлев остановился на значении моральных принципов, нравственных и идейных ценностей в процессах перестройки, формировании советского образа жизни. Хозрасчет, отметил он, на многое способен, он нужен, партия будет его утверждать в экономике и утверждать настойчиво. Но нельзя всю полноту жизни переводить на хозрасчет. Не хлебом единым жив человек. Социализм нуждается в богатейшем арсенале общественного воздействия на личность и личности — на общество. Экономические средства — необходимая, но лишь часть этого арсенала. И, наверное, чаще должны задумываться над этим и наука, и пресса, и искусство. Чаще привлекать общественное внимание к этому вопросу, давать здесь конструктивные предложения. Вопрос о нравственности — это коренной вопрос перестройки. Вне духовности перестройки нет.

Нам вообще нужно — и в науке, и искусстве, и публицистике, во всем нашем общественном сознании,— настойчиво и целеустремленно учиться избавляться от крайностей. Диалектика указывает однозначно — живая жизнь соткана из противоречий. И преодолеть их можно только такими средствами, которые учитывали бы эту противоречивость, видели бы ее во всей полноте, внутренней сложности, богатстве и разнообразии ее.

Почему непременно: «или — или»? Или план, или рынок. Или интернационализм, или патриотизм. Или ром, или частушки. Или демократия, или дисциплина. Ну и так далее — примеры бесконечны. Не «или — или», а «и — и». Нельзя жить на крайностях, шарахаясь из одного тупика в другой. Помимо прочего, это чревато еще и серьезными расстройствами душевного здоровья общества, подрывом его общественно-психологического равновесия.

Настоятельно нужны поиски и защита простого здравого смысла во всех делах. Это — тоже перестройка. Надо воспитывать в людях это качество, эту способность — без нее не будет настоящей взаимной терпимости, не будет демократии, избавления от тех десятков тысяч мелких и мелочных «бонапартиков», «культиков», представителей рода чванливых и племени пресмыкающихся, что разъедают общество, мешают идти вперед сильнее, чем все дефициты и недостатки, вместе взятые.

Практика перестройки может быть плодотворной только в случае, если она оттачивается в боренни страстей и взглядов. В этом тоже — один из признаков плодотворного многообразия духовной жизни советского общества. В этом многообразии могут быть и сорняки, и пустоцветы. Но они — не причина для ограничения самого многообразия как формы жизни.

Атмосфера художественной, творческой жизни изменилась у нас заметно и в лучшую сторону. Удалось снять многое из того, что мешало, сдерживало нормальное развитие, выход на общественное поприще талантливых людей, новых поколений. За два с лишним года мы обрели более широкий и верный взгляд на культуру, ее социальную функцию в процессе обновления общества.

В последнее время внимание общества все чаще привлекается к явлениям и процессам, так или иначе связанным с национальным самосознанием. Рост его — процесс естественный, нормальный, здоровый!

Но в нашем обществе патриотизм и интернационализм — это ценности, которые не могут существовать одна без другой. Интернациональное не есть антинациональное. Не надо путать его и с буржуазным космополитизмом, как не следует терять границу между национальной гордостью и национализмом. Любить свой народ — значит идти вместе с ним трудной дорогой восхождения. Но это неотделимо от взаимодействия с другими народами, сотрудничества с ними, взаимного духовного обогащения. Заточение в склеп ограниченного высокомерия — верный признак оскудения духа и мысли.

Социализм заинтересован в полном выявлении духовных, культурных потенций каждой нации, каждого народа на общей идейно-мировоззренческой основе. Сегодня наступает пора конструктивных размышлений, предложений о том, как полнее реализовать создаваемые социализмом предпосылки для расцвета всех национальных культур, их сближения и единства.

Одна из важнейших особенностей, в которых разворачивается перестройка и которая влияет на все ее духовные аспекты,— небывало тесное и многогранное переплетение процессов внутренней и международной жизни. В этой связи товарищ Яковлев А. Н. подробно остановился на значении теоретической разработки, освещения в средствах массовой информации всего круга вопросов, поставленных необходимостью утверждения нового политического мышления, реалиями современного мира, а также тех, что вытекают из внешнеполитических инициатив СССР.

В заключение выступления А. Н. Яковлев сказал: Процесс перестройки развивается, набирает силу, хотя идет непросто. Приходится сталкиваться еще и с проявлениями социальной апатии, равнодушия. Однако перемены заставляют по-новому взглянуть на собственную роль в судьбах страны. Неузнаваемо изменилась к лучшему политическая и психологическая атмосфера. Лучшие произведения науки, публицистики, литературы, театра, кинематографа активно откликнулись на идеи апрельского Пленума и XXVII съезда.

Сегодня не жаль добрых слов о печати, но и требования к ней повышаются самими темпами преобразований. Открывая свежие номера газет и журналов, мы прежде всего обращаемся к статьям и письмам о перестройке — сколько умных, широко мыслящих людей узнала страна, какое обостренное чувство ответственности за прошлое и настоящее, какие дельные предложения, какой высокий уровень социальной ответственности.

Словом, новый этап перестройки — это прежде всего спрос с каждого. Во всех отношениях — личном, профессиональном, гражданском. Это и будет конкретным выражением партийности, самым высоким и ценным вкладом в перестройку, в обновление, в социализм.

В работе совещания приняли участие заведующие отделами и другие ответственные работники аппарата ЦК КПСС.

(ТАСС).

Осторожно: неоглобализм

«Мы собрались здесь не для того, чтобы принимать совместные воззвания и коммюнике. Идет научная дискуссия, и каждый волен открыто высказать свою точку зрения, пусть не совпадающую с общепринятой»,— обратился к присутствующим заместитель директора Института государства и права АН СССР В. Вересщетин. И все же именно как совместный поиск истины можно охарактеризовать завершившуюся в Москве научную конференцию «Неоглобализм и международное право». В трехдневной работе форума приняли участие видные ученые-правоведы из 12 государств Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

Ставка на политику с позиции силы, идеологическое обоснование безудержной экономической эксплуатации развивающихся стран, линия на раскол движения неприсоединения, «нейтрализацию» национально-патриотических движений — все это составные части современного неоглобализма, в открытую провозглашенного основной внешнеполитической доктриной США.

— Фундаментальные исследования по неоглобализму находятся в Алжире в стадии становления, и я приехал в Москву, чтобы познакомиться с новейшими научными разработками в этой области,— сказал в интервью корреспонденту «Советской культуры» доктор права, председатель научного совета по праву Оранского университета (Алжир) Х. Мекарбеш.— Мне повезло: здесь я увидел интервью М. С. Горбачева американской телекомпании. Слова Генерального секретаря ЦК КПСС о том, что ни СССР, ни США, как бы они ни были сильны, не могут диктовать народам свои ценности, и социальный выбор, исключительно актуальны и напрямую отвечают духу многих выступлений на нашей конференции. Горбачев прав: современные международные правовые отношения — это прежде всего признание за каждым народом его права на собственный выбор.

Ю. БОРИСОВ.

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ

ГДР

В РАМКАХ ФЕСТИВАЛЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

В рамках фестиваля театрального искусства, посвященного 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Лейпциге состоялась премьера спектакля М. Шатрова «Диктатура совести».

● *Сцена из спектакля.*

Телефото АДН — ТАСС.

Лаос

НА СТЕНДАХ — КНИГИ

Площадь с фонтаном на бульваре Сеттхатират во Вьентьяне — это своеобразный географический центр лаосской культуры. Есть здесь и крупнейший в столице книжный магазин. Его залы сейчас отданы под выставку советских и лаосских книг.

Праздник книги пришел к вьентьянцам. Посетители выставки знакомятся с новинками издательств «Прогресс», «Радуга», «Русский язык», «Мир». В разделе общественно-политической литературы широко представлены произведения основоположников научного коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, издания по истории, философии и международным отношениям. Внимание привлекают стенды с художественной литературой, представленной русской и западной классикой, произведениями полюбившихся лаосцам советских писателей: М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Островского, Ч. Айтматова, Р. Гамзатова, П. Проскурина, Ю. Трифонова, В. Быкова.

На суд лаосских книголюбов выставлены красочные альбомы по искусству «Эрмитаж», «Третьяковская галерея» — всего не перечесть, здесь не энциклопедический словарь, и среди них новинка — «Космонавтика». Для многочисленной аудитории лаосцев, изучающих русский язык,— большой выбор учебников, словарей, разговорников. Есть чему порадоваться и лаосским детям. Яркие книжки со стендов скоро придут в их дома. В наступающем году в издательстве «Мальыш» Лаос разместил крупные заказы на детскую литературу.

Б. ШУМЕЕВ.
(Корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»).
ВЬЕНТЬЯН.

США

ВЫСТАВКИ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Государственные флаги СССР и США подняты в центре американской столицы. Здесь начала работу выставка «СССР: человек, семья, общество».

От имени жителей Вашингтона и округа Колумбия на торжественной церемонии открытия выставки выступила заместитель мэра Вашингтона Кэрол Томпсон. Проведение этой выставки, отметила она, имеет важное значение, ибо поможет лучше понять культуру, историю и жизнь Страны Советов и станет еще одним важным шагом в нашем стремлении установить прочный мир на Земле.

Больше месяца вашингтонцы и гости города будут знакомиться с историей Страны Советов и ее сегодняшним днем, узнавать о перспективах развития, проблемах и их решениях, глубоких преобразованиях, которые происходят сейчас во всех сферах советского общества, традициях и культуре многонациональной семьи советских народов, каждодневных заботах и быте советского человека.

В общей сложности более 130 советских министерств, внешнеторговых объединений, культурных организаций приняли участие в организации экспозиции.

ВАШИНГТОН.

Вашингтон. С большим успехом здесь прошла выставка-продажа русской лаковой миниатюры, выполненной советскими мастерами Палеха, Федоскина, Мстеры.

● *Посетители знакомятся с изделиями советских мастеров.*

Фото В. Полянковской (ТАСС).

Финляндия

ЗНАКОМИТ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

Дни советского документального кино начались в финской столице. Они проводятся по инициативе общества «Финляндия — Советский Союз» в рамках месячника советско-финляндской дружбы, который проходит здесь под знаком празднования 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции и 70-й годовщины государственной независимости Финляндии.

Как сообщил секретарь общества по вопросам просвещения Тимо Карвонен, кроме Хельсинки, показ фильмов состоится также в Лахти, Ювяскюля и других городах.

(ТАСС).
ХЕЛЬСИНКИ.

ОБЪЕКТИВ УЛЫБАЕТСЯ

Фото АП.

Олег Попцов:

«УЖЕ», А НЕ «ЕЩЕ»

Имя писателя Олега Попцова хорошо известно читателям. Автор романов и повестей «Именительный падеж», «Орфей не приносит счастья», «И власти плен», «Без музыки», «Банальный сюжет», «Еще не поздно» и других исследует характер человека, «приговоренного судьбой совершать поступки», оказавшегося однажды на пересечении трех дорог: власти, совести и любви.

В беседе с нашим корреспондентом О. Попцов рассуждает о нравственном выборе, о пути, проблемах, которые встают перед входящим в жизнь поколением.

— Каждый раз, когда я слышу оптимистические возгласы: молодежь — наше будущее! — мне хочется громко возразить: да неверно это. Наше будущее — дети. А молодежь — наше настоящее.

Это уточнение принципиально. Если будущее, то и подождать может, и одернуть его не грех: «Не созрел еще, зелен». А вот если настоящее, тут другой разговор. Тут, как говорится, все по максимуму: и ответственность, и самостоятельность. А значит, сегодняшний день — день перестройки. Это ее, молодежи, день, ее исторический шанс.

Любое отодвигание молодежи в некое временное отдаление превращает участника событий в человека, ожидающего своей очереди. А это не только разные ощущения, но и разная жизненная позиция.

Недавно я принимал участие в одной телевизионной передаче. «Твоя жизненная позиция» — так была определена тема разговора. Передача не получилась да и не могла получиться. И дело не в сценарных просчетах. Слишком разительным было несоответствие. Пассивная молодежь должна была рассуждать об активной жизненной позиции.

Вообще-то пассивность — явление не новое, этим никого не удивишь. Поразило другое, какая-то «всеохватная» некомпетентность молодежи, я имею в виду тех, кто участвовал в передаче.

Время-то непростое: нарабатывается новая экономическая модель, а значит, новые технологии, иные производственные отношения, иная трудовая суть, да и социальные проблемы звучат по-иному, новое законодательство наконец. Навык обретается в процессе обновления, это естественно. Однако потребность в постижении этих непростых истин должна быть. И эмоции тут — слабая опора. Эмоциями перестройки не совершишь.

Вот главный вопрос — некомпетентность молодых, отсюда и беспомощность, и растерянность. И это не частный факт. Где-то в Коми АССР, или Тамбове, или Узбекистане. Упаси нас бог так посчитать и списать все на нетипичность.

Долгое время существовала тенденция рассматривать комсомол в делах народнохозяйственных, общественных прежде всего как исполнительскую, а не творческую силу. Период этот был длительный, он выработал свой стереотип отношений, размыл, если не сказать большего, атрофировал чувство самостоятельности, ответственности у значительной части молодежи.

Мы все время говорим, что молодежь стала другой, более образованной, а значит, более требовательной к жизни, более критичной. И это действительно так. Давайте материализуем это понятие «более», расширим плацдарм доверия молодым во всем: в экономике, в творчестве, в науке. Только тогда требовательность, критичность к жизни окружающей перерастет в требовательность к себе.

— Но могут сказать (и говорят, кстати): а отсутствие опыта у молодежи?

— Отсутствие жизненного опыта нормально в шестнадцать, но не в двадцать шесть. И вообще это утверждение уязвимо. В свое время Ленин говорил, что молодежь ориентируется на свой опыт, по-иному воспринимает революцию и иначе приходит в нее, нежели старшее поколение. Именно поэтому Ленин настаивал на самостоятельной организации для молодежи.

У молодых не отсутствует опыт, у них просто другой опыт. И вообще старшим давно пора осознать, что 20 лет — это «уже», а не «еще».

— Под старшими вы понимаете семью, школу, вуз?

— Не только, хотя от них зависит очень много. Но, может быть, прежде всего представителей управленческих структур: нужно создавать такие условия, при которых профессиональное созревание, становление молодых будет происходить как минимум на восемь лет раньше. Асом человек должен становиться в 24, а не в 40 лет. Профтехучилище потенциально должно выпускать рабочего с задатками аса. Но для этого нужно, чтобы наставниками туда шли асы. К сожалению, не идут — мало еще у нас таких людей.

— Воспитывает и сама жизнь. Не кажется ли вам, что становление личности, духовное, политическое взросление молодого человека сегодня протекают быстрее, глубже, чем в те же годы застоя?

— Объективно, в принципе да. Молодежь жадно, с огромным интересом впитывает в себя все, что видит, читает, слышит каждый день. Многие, если хотите, как бы заново открывают для себя мир, в котором живут, свое место в нем. И делают выводы. И нередко переоценивают привычные ценности. Думаю, что полемика, борьба, противоборство с развертыванием перестройки вширь и вглубь, не только не исчезнут, но даже будут усиливаться. И это тоже урок живой политической истории для молодых, причем на уроке этом им предстоит не только задавать вопросы, но и отвечать на них. Ведь изменения, которые происходят в жизни, в самых различных ее сферах, коснутся всех — и тех, в частности, кто не хочет ничего менять, чтобы ничего не делать, но получать свои деньги. К активизации этой борьбы нужно быть готовым, нужно учиться умело и честно использовать возможности гласности и демократии. Идет серьезная работа, и в нее включаются новые, свежие силы поколения, формирующегося сейчас, в процессе перестройки.

Вообще в оценке молодого поколения, а сейчас больше чем когда-либо, присутствуют две крайности: с одной стороны, кто-то брюзжит, что молодежь-де не та; с другой — желание все несостоявшееся в молодежи или проявившееся отрицательно воспринимать как вину предшествующих поколений. Думаю, ошибочна как первая, так и вторая позиция. Той же самой молодежь быть не может, иначе попросту остановится развитие общества. Молодежь обязана быть другой. Ну и лишать молодежь чувства вины вряд ли стоит.

Если ты бездельник в 25 лет, совсем не обязательно в этом винить тысячелетнюю историю. Прежде всего человек формирует себя сам. Это суровый закон жизни, но единственно справедливый.

Не надо освобождать молодежь от чувства вины за себя, за свою неумелость, невоспитанность, равнодушие. И всюду причитать, что это мы их сделали такими. Кстати, молодежь не без успеха повторяет эти слова уже от своего лица.

Освобождать от чувства вины — значит размывать чувство ответственности, кстати, и чувство сострадания тоже.

Что и говорить, за годы застоя у нас сформировалось одно, а то и два поколения «невыезывающихся», лояльно воздерживающихся, тех, кто пассивно смотрел на творящееся вокруг безобразие. Но сегодня кое-кому очень удобно повторять: в период застоя нам нельзя, мол, было говорить правду... Вы ведь вдумайтесь в слова: теперь нам разрешено говорить правду! Какая это унизительная в сущности позиция. Для тех, кто любит правду «по разрешению», и сегодня удобно и выгодно стоять на размягченном поле и в полный голос обличать грехи. Я никогда не соглашусь с теми, кто перечеркивает всю деятельность прошлых лет, ибо и тогда, вопреки обстоятельствам, были люди, которые говорили правду. Отстаивали ее, несмотря ни на что, боролись с коррупцией, воровством, социальной несправедливостью. Одно из сегодняшних завоеваний гласности в том и состоит, что существовавшее, зревшее в обществе состояние готовности к борьбе за правду и справедливость, огромная тяга к обновлению, переменам сейчас захватывают новые слои, становятся фактом всеобщего действия.

На начальном этапе перестройки все оказались как бы на одной линии — линии старта. И те, кто отстаивал правду, и те, кто говорил полуправду, и те, кто молчал. Это реальность, с ней нельзя не считаться. Тем не менее необходимо работать на объединение людей, помогать им искренне переосознать несостоятельность каких-то прежних позиций.

— А что, на ваш взгляд, может максимально способствовать этому процессу? Какие рычаги следует использовать?

— На мой взгляд, рычаг один: воздействовать на сознание, пробуждать человеческую совесть — совестью человек очищается. Пробудить совершать поступки, дело делать. Ничто не может убедить больше, чем авторитет хорошо выполненного дела. И в этом процессе пробуждения человеческой совести, безусловно, огромную роль играет гласность. Атмосфера гласности и истинно понимаемой демократии делает смелее и увереннее и более слабого, который перестает страшиться заявить свою позицию. Люди видят, что активная точка зрения становится нормой.

И людей, даже тех, кто раньше помалкивал, начинает захватывать эта волна, этот прорыв. Они начинают переосмысливать и жизнь, и свое в ней участие или неучастие. Тот, кто прежде никак не проявлял свою гражданскую позицию, возможно, будет еще полгода, год находиться в таком состоянии. А, допустим, через год и семь месяцев и он скажет свое слово. Да, процесс не столь стремительный, как хотелось бы. Но он начался, и хочется верить, что его нельзя остановить.

И еще. Огромнейшее значение для формирования общественного сознания, воззрений каждого из нас имеет позиция, высказанная на XXVII съезде партии, на последующих партийных Пленумах. Необходимо исключить привычку управленческих структур принимать решение по какому-либо вопросу раз и навсегда, больше к нему не возвращаться. Признать наконец, что сомнения есть условие движения вперед.

— Но ведь издержки, ошибки на руку противникам перемен. Уж они-то не упустят случая, чтобы пошуметь вокруг них, нажить капитал...

— Что ж из того, так было и так есть. Здесь тоже самый верный критерий — дело. Нужно только внимательно присмотреться к тому, что говорящий правильные слова делает, как он работает, каков результат его конкретной деятельности на конкретном отрезке времени. У критикана и демагога дела за словом не будет никогда, он его сплошь и рядом делать попросту не умеет. Но своими криками он как бы фиксирует себя: я здесь, я среди вас, помните об этом! Другого спасательного круга, кроме обличающих, часто ожесточенных слов, у демагога нет.

— Перестройка — это еще и интеллектуальный прорыв во всех сферах...

— Она, конечно же, немыслима без выработки нового мышления, без выхода на новый уровень производственных отношений, прибавления знаний, без непрерывного обновления — никакой, даже самый высокий уровень знаний в наши дни не может быть избыточным.

Я уверен, что кардинальным образом должна меняться вся система образования — школьного, профессионально-технического, вузовского. Реформы в этой области претворяются в жизнь непростительно медленно. Осознания необходимости гуманитаризации всего образования не произошло.

Вообще меня удивляет, как можно сочетать разговор о выработке нового мышления с дискуссией, ну, скажем, о нужности спецшкол. Вы правильно сказали: перестройка — это еще и интеллектуальный прорыв. Говорить совершенно серьезно в наше время, зачем-де нам столько людей, владеющих иностранным языком, — это по меньшей мере нелепо. Нужны, крайне нужны спецшколы с физическим, химическим, биологическим и с любым другим уклоном. Просто надо внимательно следить за их формированием.

Если мы вводим курс информатики за счет сокращения часов на литературу и историю, надо во весь голос сказать: «Это недопустимо». Мы понесем невосполнимый урон в формировании нравственности. Увы, у нас нет уроков нравственности. Эту функцию выполняет преподавание гуманитарных предметов. По крайней мере нам так хочется думать.

И еще. Само преподавание гуманитарных предметов должно претерпеть коренной перелом. И прежде всего преподавание литературы, истории, обществоведения. Какие бы сверхуникальные программы мы ни составляли, какую бы сверхсовременную методику ни использовали, перелома не произойдет до тех пор, пока эти уроки не превратятся в уроки социальной правды.

Жизнь вновь и вновь показывает, что любые модели управленческого диктата, разнообразные проявления волюнтаризма зарождаются, кроме всего прочего, и на почве отсутствия гармоничного, духовного развития личности. В самой высокой цене сегодня должен быть настоящий профессионализм.

Сегодня нам более всего нужны профессионалы на своих местах — в управлении, хозяйствовании, промышленности, культуре. Профессионалом, как я его понимаю, обязан быть не только токарь, но и секретарь райкома, и агент по снабжению, и заведующий отделом культуры исполкома. К сожалению, слишком часто еще некомпетентность занимает должности, некомпетентность командует. А когда бюрократизм действует, скажем, в духовных сферах, они начинают жить не по законам духовности, не по законам искусства и литературы, а по законам диктата бюрократизма. Это тема отдельного и сложного разговора. Сейчас я бы хотел высказать только одно соображение. «Ломка дров» в духовной сфере не приносила пользы никогда. В периоды кардинальных перемен, в период перелома, перестройки трудно переоценить роль, которую играют литература, кино, театр в воздействии на эмоциональную сферу человека, в процессе пробуждения его гражданского «я», совести его. Особенно когда речь идет о молодежи.

Убежден, решающая ставка в ее воспитании должна делаться на самостоятельность — поступка, суждений, выбора. На смелость социального риска, без которого не может быть никакого движения. И самое главное — на впитанное с молоком матери презрение ко всему, что унижает человеческое достоинство.

Беседу вела
Е. ГРАНДОВА.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ПРОДАЕТСЯ ДОМ В ДЕРЕВНЕ...

Меня всегда удручают обитатели городских дворов: крепыши-мужчины, забивающие «козла», сидящие на скамейках старушки, недавно перешедшие в ранг пенсионерок дамы, прогуливающие собачек... Будто на лбу у каждого написано: не к чему людям руки приложить, нечем полезным заняться. Но как преображаются мои знакомые, когда начинается сезон в садах и огородах, как наполняется новым содержанием и целью их жизнь!

А поговорите с теми, кому удалось приобрести избушку-«развалюшку» где-нибудь в деревне у реки,— те и впрямь счастливы. Впрочем, счастливчиков таких немного. Годами, десятилетиями для того, чтобы поселиться на лето в деревне, горожанину приходилось ловчить: столько тут было ограничений и запретов.

По правде говоря, и в селе многие с осуждением относятся к летним городским гостям, которые делают деревню обманно многолюдной в благодатную пору, а к осени покидают ее, оставляя у местных чувство досады: мол, умеют эти городские жить — и на проспекте квартира, и в деревне усадьба. Ну а у председателей колхозов, директоров совхозов отношение к «дачникам» зачастую еще более жесткое.

Жаловался мне кировский пчеловод Александр Дмитриевич Саранча:

— Расположился как-то я со своей пасекой в колхозе имени Кирова Куменского района. Вроде бы пчелы — полезнейшие существа, не только мед мне приносят, но и опыляют луга и сеяные травы. Однако председатель ни в какую. Говорит, проваливай или я на твою пасеку бульдозер напущу...

Таких печальных историй в памяти моей десятки. Некому было за живущих в деревне горожан заступиться, так как были они в сущности вне закона.

— Когда я вижу этих бездельников, нероботь, которая в самую сенокосную пору прохлаждается на берегу речки или ягодки собирает, отворачиваюсь и зубы сжимаю,— сказал мне как-то один лихой в суждениях директор совхоза.

И мой собеседник, увы, не одинок. Мнение многих сельских руководителей было до недавнего времени однозначным: не нужны деревне летние прилетыши, которые только мешают селянам напряженно трудиться. И не принималось в расчет, что тот же пчеловод-любитель Александр Дмитриевич Саранча, например, до того, как председатель пообещал напустить на его пасеку бульдозер, накосил три тонны сена и безвозмездно сдал его в колхоз.

Мой друг ученый-охотовед Василий Александрович Кукарцев с супругой живет по летам в поселке Пушма Подосиновского района. В позапрошлом году вырастили они столько картошки, что самим не съесть, а продавать не привыкли. Отправился хозяин в контору ОРСа: возьмите картошку. Человек с практической жилкой, много лет проработавший в Сибири директором хозяйств, заготовлявших пушнину, Василий Александрович не раз высказывался в том смысле, что могли бы деревенские дачники не только потреблять чистый воздух и молоко, собирать грибы-ягоды, но и оказывать на договорных началах помощь колхозу или совхозу: того же сена накосить, а может, кто-то и взялся бы выращивать овец, поросят и телят. Однако не находило это до сих пор отклика в душах сельских и районных руководителей. Чужаки им поперек горла. Видно, дают о себе знать старые привычки: опасливость, кабы чего не вышло, а еще пуще неизбывная тяга к ограничениям.

Но давайте разберемся в проблеме спокойно, без амбиций и административного энтузиазма. Разве секрет, что уезжают коренные жители из вятского села, покидают свои дома, бросают деревни? За последние пятнадцать лет численность населения уменьшилась здесь на треть. До войны в Кировской области было 35 тысяч деревень, к концу 50-х годов их число сократилось наполовину, а теперь осталось всего пять тысяч. С исчезновением селений приходят в упадок нивы и покосы, зарастают осиной и березой пастбища.

Брошенные села близ городов становятся убежищем для бродячего люда, полутуристов-полувыпивох, которые костры жгут прямо посередь избы. Я сам был свидетелем, как сгорела находящаяся между Ломиком и Кильмезью пустующая деревня, подожженная любителями острых ощущений. А ведь все еще было в ней на месте: и дома добротные, и колодцы не засыпаны, и изгороди целы. И такое будет продолжаться до тех пор, пока не появятся в деревне люди.

Но вот и желанные, долгожданные перемены: в докладе М. С. Горбачева на июньском Пленуме ЦК КПСС прозвучали слова о необходимости «быстрее решить и вопрос об использовании пустующих многие годы, а то и десятилетия домов и приусадебных участков в ряде сельских районов страны, особенно в Нечерноземной зоне. Число покинутых домов сегодня достигло почти 800 тысяч. Вокруг них — заброшенная земля.

Подобного отношения к земле и постройкам люди не понимают. В своих обращениях в ЦК, другие организации они просят разрешить приобретать эти дома, использовать землю. Полагаю, будет правильным, если колхозы и совхозы предоставят в аренду желающим горожанам покинутые дома с усадьбами. И сделать это во многих случаях можно будет на договорных началах, чтобы эти земли использовались для производства сельскохозяйственной продукции».

Люди, которым близки нужды и трудности Нечерноземья, восприняли эти слова, а затем и принятое Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР постановление «Об использовании пустующих жилых домов и приусадебных участков, находящихся в сельской местности» с одобрением. Значит, проблема переведена из дискуссионной плоскости в деловую.

«Лично я всей душой за это,— написал мне ветеран войны и труда из деревни Зачеркушка Иван Васильевич Шарапов.— Считаю, что если городской житель приобретет дом в полупустой деревне с участком земли, на котором своим трудом будет выращивать овощи, то и государству будет явная польза. Не пойдет зимой этот человек в магазин за луком-картошкой. Летом будут приезжать к нему внуки, а это уже создание совершенно иного мировоззрения у подростка, увидевшего своими глазами трудовую деревенскую жизнь.

И еще есть соображения. Очень много едет летом в деревенские леса на сбор ягод и грибов горожан на своих машинах. Иные ведут этот сбор хищнически, грудь собирают царапками, разрушая грибницу, бруснику еще белой берут. В малиннике завалятся — все вытопчут. А вот городской житель, проживающий в деревне, такого хищничества не допустит, потому как задумается над тем, что останется ему и соседям на будущие годы».

Получил я письмо и от неугомонного, энергичного человека — Александра Николаевича Зайцева, селькора, лауреата премии областной организации журналистов. Это по его идее и с его помощью появился первый в наших местах памятник деревне, поставленный на месте его бывшей родной Исаевщины, а в райцентре Верхошижемье открыт народный музей.

«Нарушить жизнь в деревне оказалось нетрудно, а вот наладить ее толком пока тяжело,— пишет он.— Мне кажется, что разрешение пользоваться пустующими домами внесет оживление в деревенскую жизнь. Социализм от этого не проиграет, а выиграет».

Немного прошло времени после принятия постановления, а уже приходят добрые вести. Ищут горожане контакты с хозяйствами. А в колхозе «Октябрь» Подосиновского района пошли по такому пути: сам колхоз выкупает у покинувших родные места владельцев жилища, ремонтирует их, придает комфортабельный вид и приглашает: «Добро пожаловать!»

— Наш первейший долг,— говорил недавний, перебравшийся теперь в райком партии председатель колхоза Николай Прокопьевич Чесноков,— попробовать возвратить в родные места своих кровных людей!

Стало проявляться иное отношение и к самим деревенским дачникам. «Ничего, кроме хорошего, о них сказать не могу, — заявил один заместитель председателя райисполкома,— народ работящий, стосковавшийся по земле. Дом-развалюху сделают куколкой, огород ухожен, вспушен. Много картошки сдают в кооперацию, а это хозяйству в план идет. Прошлым летом достали где-то грейдер и непроезжие места на дороге «залатали».

Пока осторожно, но подвижка к рациональному решению проблемы пустующих деревень уже происходит.

И тут мне хочется вспомнить Закон об индивидуальной трудовой деятельности. Среди городских ветеранов труда, желающих отдохнуть или пожить в деревне, немало телемастеров, парикмахеров, фотографов, швей, сантехников, столяров, плотников, маляров, сапожников, юристов, художников-оформителей — людей, чьи профессии сегодня позарез нужны селу. Я знаю, что многие руководители хозяйств мечтают о создании своих строительных и ремонтных бригад взамен шабашных, приезжающих с юга. Привлечение горожан к такой работе могло бы явиться хорошим подспорьем. Мыслится это примерно таким образом: сельсовет и руководство хозяйством, заключив договор с нужными людьми на индивидуальную трудовую деятельность, предоставляют для продажи или в аренду пустующий дом в деревне. И приобретают не «нахлебника», а нужного работника.

А еще, наверное, могли бы квалифицированные мастера-горожане возглавить обучение сельских старшеклассников в швейных, вязальных и других подсобных цехах, организовать которые стремятся многие колхозы и совхозы, чтобы справиться с проблемой невест — закрепить в деревне девчат.

Недавно побывал я в селе Шадрино, что в колхозе имени XXI партсъезда Опаринского района. Назвали мне там поразившую меня статистику: многие жители имеют по три телевизора, по два холодильника. Но, увы, это не столько свидетельство растущего благосостояния, сколько крупных недостатков в сфере услуг. По два-три телевизора держат деревенские жители оттого, что калачом не заманишь в отдаленные места телемастера. А будь свой, из города приехавший «дачник»-специалист, глядишь, и привел бы в порядок телевизоры во всех окрестных деревнях.

Без сомнения, могут пригодиться в деревне пенсионеры-музыканты, режиссеры, хореографы. Не секрет, что в культпросветработниках на селе особо большая нужда. Надо ли говорить, что привлечение людей, близких к искусству, в деревню будет способствовать улучшению культурного досуга, оживлению художественной самодеятельности, созданию фольклорных коллективов, клубов по интересам. И чем больше людей разных профессий будет на селе, тем полнокровнее станет здесь жизнь. Продажа и сдача в аренду пустующих домов может стать небезвыгодной и для местных Советов или хозяйства, так как они получат кое-какие дополнительные средства для благоустройства сел.

Однако есть в этом деле и немало сложностей, которые мешают пока обрести делу размах. Где, когда, какие дома продаются? Это горожанину в настоящее время узнать трудно. Сельсоветы этим делом заниматься не хотят — руки не доходят, да и навара никакого.

«Необходимо систематизировать сведения о всех продаваемых в районах домах и организовать выпуск бюллетеня, где бы указывались место, стоимость, условия, на каких будет сдаваться дом в аренду. А то огромную территорию нашей области не объедешь вслепую, не зная, что, где, когда продается,— написал мне кировчанин В. Скулкин.— Вот и получается, что от официального разрешения дом купить или арендовать до реальной возможности это сделать — дистанция огромного размера, причем с препятствиями часто искусственными».

В райисполкомах, сельсоветах и хозяйствах ясности, определенности, заинтересованности в этом деле пока нет, наоборот, чувствуются торможение, нежелание «впутываться» в «частные дела». А еще боязнь дополнительной ноши: что ни говори, коли людей в деревнях прибавится, запросят и магазин открыть, и проложить дополнительный автобусный маршрут, и медицинское обслуживание наладить... Вот потому-то все еще и пускают на дрова годные для продажи или сдачи в аренду постройки. А надо ввести строгий учет использования сельских строений. Оттягивать дело нельзя, так как через десяток лет к этой проблеме обращаться будет поздно, ибо окончательно падут еще тысячи влачащих жалкое существование безлюдных селений, которые долго ходили в «неперспективных» и пока не дождались возобновления.

Стоит всерьез подумать и над тем, на каких условиях городской житель может получить в пользование землю, где когда-то стояли деревенские избы. Ведь от многих из них и фундаментов не осталось, а брошенные огороды и приусадебные наделы давно поросли бурьяном. Какие сады могли бы зацвести на этой возрожденной к жизни земле, дай возможность горожанину потрудиться на ней. На мой взгляд, постановление «Об использовании пустующих жилых домов и приусадебных участков, находящихся в сельской местности» дает возможность местным органам власти без казуистики и бюрократизма решать этот вопрос, являющийся и сейчас, к сожалению, камнем преткновения, когда речь заходит о землепользовании и землепользователях, их правах и обязанностях.

Но для того, чтобы перевести желаемое в деловую плоскость, надо избавиться руководителям на местах от беликовских опасений «как бы чего не вышло», от устаревших привычек видеть в человеке, приехавшем из города, нероботь, дачника. Ведь это мешает обратить на общую пользу гибнущие богатства деревень, изменить отношения между городом и селом. Вот какие раздумья возникают вокруг сельского дома, так нужного людям.

Владимир СИТНИКОВ.
Кировская область.

Таланты народные

● *Красивые коврики, полотенца, дорожки с национальными узорами ткут мастерицы Чувашского производственного объединения.*

● *С большим успехом выступили в Москве самодеятельные артисты — участники хореографической группы Прибалтийского военного округа.*

Фото В. Московского и В. Киселева.

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РСФСР

АДРЕСОВАНО ЖИВЫМ

Все лучшее в советском кинематографе всегда отличали острая политическая направленность, подлинный гуманизм, пафос борьбы за мирное будущее человечества. Недаром же бессмертный «Броненосец «Потемкин», признанный лучшим фильмом «всех времен и народов», стал не только явлением Искусства с большой буквы, но и явлением политическим.

И сегодня советские мастера кино обращаются в своем творчестве к самым актуальным и злободневным проблемам современной политической жизни планеты. Режиссер С. Микаэлян (известный зрителям по фильмам «Премия», «Вдовы», «Влюблен по собственному желанию») в своей картине «Рейс-222» («Ленфильм») воссоздал на экране случай, который произошел несколько лет назад в нью-йоркском аэропорту. Американская администрация провокационно задержала на взлете самолет «Аэрофлота» с пассажирами на борту, пытаясь склонить к невозвращению на Родину молодую советскую актрису. Замысел постановщика — детально реконструировать реальное событие — определил и художественное решение ленты. Она снята (оператор С. Астахов) строго, «под документ». В публицистическом пафосе, в четкой художнической и гражданской позиции создателей заключается ее основное достоинство. Участие непрофессиональных исполнителей помогает нам, не отвлекаясь на узнавание знакомых актерских лиц, сконцентрировать внимание на происходящих событиях, поверить в их достоверность, сиюминутность и «неорганизованность». Но этот же непрофессионализм исполнителей не дает возможности и им самим, в вслед за ними и нам глубоко заглянуть в сердца и души их героев, проявивших в экстремальной ситуации подлинный патриотизм и верность Родине. А это в свою очередь приводит к тому, что воздействие фильма на зрителей заметно ослабевает по мере того, как уходит в прошлое история, положенная в его основу.

«Рейс-222» реконструирует недавнее прошлое, картина «Письма мертвого человека» (авторы сценария К. Лопушанский, В. Рыбаков при участии Б. Стругацкого, режиссер К. Лопушанский), также снятая на «Ленфильме», — возможное будущее. Возможное... если в мире не восторжествует разум, если силы мира не одержат победу над силами войны и мракобесия. Реконструирует столь же скрупулезно и наглядно. О, смотреть на это невыносимо страшно. Поверить в это почти невозможно. Среди продуваемых радиоактивными ветрами взорванных домов и разрушенных улиц, среди обломков погруженной в корчевую, смрадную жижу человеческой цивилизации, оступаясь о разбухшие трупы и наступая на осклизлые книги, бродят жуткие — без лиц — фигуры в прорезиненных балахонах и противогазах (оператор Н. Покопцев, художники Е. Аминская, В. Иванов). Скрежещут, захлопываясь, стальные двери бомбоубежищ, в которых готовятся уйти с обезображенного и мертвого лица Земли под землю, в центральный бункер, немногие уцелевшие. И мечется среди них человек с непроходящей болью отчаяния в глазах (на мой взгляд, это лучшая роль из всех «серьезных» ролей, сыгранных Р. Быковым), ученый с мировым именем, лауреат Нобелевской премии, только что похоронивший жену, сам доживающий последние дни и до сих пор разыскивающий потерянного в первые часы катастрофы сына, которому он мысленно пишет длинные письма. Несуществующие письма несуществующему уже, судя по всему, человеку. «Письма мертвого человека». Так назвали свой фильм его создатели. А могли бы, наверное, назвать — «На следующий день» (подразумевая: после ядерного «апокалипсиса»). Впрочем, американский телефильм с таким названием мы не так давно видели. Американский кинематограф и ранее обращался к этой теме (достаточно вспомнить прекрасную ленту С. Кремера «На последнем берегу»), чтобы потрясти, ошеломить и ужаснуть зрителей апокалиптическими видениями ядерной катастрофы, воссозданной на экране со всем размахом и спецэффектами современной кинотехники. Чаще эти фильмы пугали, иногда скорбно предостерегали. Советскую картину также можно отнести к числу фильмов-предостережений. Но сурово и беспощадно предостерегая нас от иллюзий лучезарного и безоблачного завтра в мире, уже сегодня до предела перенасыщенном оружием массового уничтожения, лента эта тем не менее не убивает в нас надежду. И она — не только в финальных кадрах, где маленькие фигурки детей бредут наперекор смертоносному ветру. Надежда заключается в самом факте появления фильма «Письма мертвого человека», адресованного ныне живым и живущим людям планеты, в беспредельной вере его создателей в силу коллективного человеческого разума, должного суметь не поддаться, суметь преодолеть ядерное безумие. Вот почему, как бы ни было страшно смотреть «Письма мертвого человека», нельзя отводить глаза от экрана, нельзя каждому не определить свою позицию к происходящим в сегодняшнем мире событиям. Нельзя, если мы хотим, чтобы это экранное будущее не стало нашим завтрашним днем.

П. СМИРНОВ.

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Выставки, открывающиеся в преддверии очередного съезда художников СССР, всегда воспринимаются проблемно. О многом дала повод задуматься и развернутая в Центральном доме художника Всесоюзная выставка произведений художников театра, кино и телевидения. Мастера, которые работают в этом жанре, ожидают, что предстоящий вскоре форум художников страны уделит достаточное внимание далеко не простым вопросам современного состояния этой области изобразительного искусства.

ВСЕСОЮЗНАЯ выставка художников театра, кино и телевидения — событие редкое. Первая была в 1967 году, вторая — в 1978-м. Что показала нынешняя, третья? Множество замечательных, а порой и блестящих работ. Но проявила и множество проблем отнюдь не только творческого характера.

Да, выставка убеждает: художники мастерски владеют широким спектром выразительных средств, их эскизы отмечены живописной и графической культурой. Разумеется, сказанное нельзя с равным правом отнести ко всем участникам, но можно с уверенностью сказать: стабильно высокий уровень развития сценографии на протяжении последних 20 лет — незаурядное явление культурной жизни страны.

И не только страны. Советская школа сценографии признана одной из ведущих в мире. В этом году группа советских художников — участников тематического конкурса, посвященного Чехову, получила Золотую медаль на Пражской квадриеннале.

Эти прекрасные работы составляют один из разделов третьей Всесоюзной. Но... (и тут начинаются многие «но») не оказалось возможности ни выгодно разместить их, ни даже хорошо осветить. Эпизод? Но он символически отражает отношение к достоянию, которым мы можем гордиться.

Отражает его и безобразная техническая организация выставки. Откроем каталог, в котором, кстати сказать, нет ни одной цветной репродукции. Какие только солидные и авторитетные организации не поименованы в числе устроителей выставки! Их, как нарочно, ровно семь. Что ж, по пословице, «у семи нянек...»? Факт остается фактом: рачительного хозяина у Всесоюзной выставки не оказалось. Хотя бы такая «мелочь»: треть эскизов к моменту открытия развешена не была, этикеток ко многим работам не было совсем.

Надо ли доказывать, что на выставке театральных и кинохудожников отсутствие этикетки досадно вдвойне. Их искусство вкупе с другими слагаемыми фильма или спектакля воздействует на вкусы миллионов, а художники даже на своей профессиональной выставке остаются «знакомыми незнакомцами». Кроме того, без названия пьесы, спектакля или фильма посетитель воспринимает в основном чисто станковые качества эскиза. Он не имеет возможности по достоинству оценить интерпретацию известного литературного произведения или сопоставить предложение художника с увиденным на сцене или экране.

Говорю это не для того, чтобы призвать наказание на головы виновных, но для того, чтобы привлечь внимание к низкому уровню организации и технической оснащенности выставочного дела. Нужны коренные преобразования. Об этом знают давно, но положение не меняется. Вот и едут прибалтийские художники в Москву, как в итальянском кино идут в гости к бедному соседу — со своими стульями. Их раздел — единственный в экспозиции имеет свой стиль, не похожий на остальные.

Случайно ли изношенная система экспонирования художественных выставок дала сбой именно на территории художников театра, кино и телевидения? Разумеется, ни о каком преднамеренном акте тут речи быть не может. И все же в том, что произошло, сказалось общее отношение к этим видам искусства как к чему-то второстепенному. Сказывается оно и во многом другом.

Да, наверное, театральные эскизы не всегда выдерживают сравнение со станковыми полотнами. Все дело в том, справедливо ли вообще такое сравнение? Ведь произведение театрального художника — это не только эскизы (пусть даже отлично написанные), а многообразная изменяющаяся жизнь декораций в реальном спектакле. Нет слов, оценить вклад художника в спектакль (или фильм) гораздо сложнее. Видимо, надо выработать более глубокие и четкие критерии оценки произведения художника, работающего в этих видах искусства. Быть может, следует привлечь консультантов-специалистов по театральному и кинодекорационному искусству.

Отрадно, что вниманием прессы и количеством выставок сценография не обижена, хотя того же нельзя сказать об искусстве художников кино. Но почему на всех общих выставках, организуемых Союзом художников СССР, работы театральных и кинохудожников располагаются у задней стены огромного Манежа и большая часть публики до них не доходит? Почему всегда этим видам искусства отводится место в конце программы конференций и обсуждений, когда зал почти опустел? Речь идет вовсе не о задетых амбициях и не о том, на какое место надо (или не надо) «переставить» тот или иной вид искусства. Речь о том, что, по моему убеждению, никаких закрепленных «мест» вообще быть не должно. Это нынешний подход, не имеющий ничего общего с живым развитием искусства.

Сейчас вернулись к региональному принципу экспонирования всесоюзных выставок. Он имеет то преимущество перед «видовым», что предоставляет возможность каждой республике или региону самостоятельно формировать свой раздел.

Бросим взгляд на художников театра не в нарядных залах выставки, а в повседневной работе. Здесь их положение еще менее благополучно. Образовался новый Союз театральных деятелей СССР. Но в правление союза не избран ни один художник-постановщик (за исключением А. Васильева, вошедшего в правление в качестве председателя Советского центра международной организации ОИСТАТ). Причина? Опять, как и в Союзе художников, в Союзе театральных деятелей театральные художники оказались весьма малочисленной группой. Но в отличие от СХ в СТД СССР вообще не представлена эта театральная профессия. А ведь речь идет о художниках-постановщиках, которые, по меткому выражению одного режиссера, «дают кислород нашему театру, а сами работают со связанными руками и с кляпом во рту».

Что же подразумевал режиссер, говоря о «кляпе» и «связанных руках»? Очевидно, отношение других создателей искусства театра, в том числе своих собратьев-режиссеров, к работе художника. Конечно, есть режиссеры, владеющие художественной культурой или относящиеся с большим человеческим уважением к своим постоянным союзникам. Но часто, слишком часто приходится слышать от художников о безапелляционном вмешательстве режиссера в им же самим принятую пластическую структуру спектакля. Да, режиссер есть режиссер, и недаром театр XX века называют режиссерским. По-видимому, здесь что-то неблагополучно с самим статусом художника в театре, особенно работающего по договору. Правда, недавно был наконец (после двенадцатилетних проволочек) утвержден типовой договор, уточняющий права художника в театре. Но реальная жизнь показывает, что воспользоваться этими правами художнику очень непросто. Не только потому, что в конфликтной ситуации он из-за понятной человеческой слабости боится потерять последующие договоры. Но и потому, что его статус в театре настолько низок, что надежды на успешное разрешение конфликте у него практически нет. Без целенаправленного подъема престижа и статуса художника в театре никакие типовые договоры не смогут отменить реальное неравенство прав художника и театра.

О явно неблагополучном положении художника в последние 10—15 лет говорит и тот факт, что во многих театрах РСФСР пустуют места главных художников. Почему? Не потому, что их не хватает! В Москве, например, есть много талантливых художников, работающих по договорам на периферии. Что же, они не хотят уезжать из столицы или предпочитают крайне неустойчивое материальное положение стабильному? Нет, во многих случаях дело не в этом. Дело в цене, которую придется заплатить художнику за эту стабильность и более высокое социальное положение: при хронической нехватке исполнителей, бутафоров, осветителей, других театральных специалистов, при дефиците материалов и средств, наконец, при падении уровня всего постановочного дела главный художник превращается в этакого «мальчика на побегушках» или в «ломовую лошадь», кому как придется. Но у театра должен быть главный художник — только он, и никто иной определяет изобразительно-пластическое лицо театра, его своеобычность и целостность. Сегодня дело усугубляется тем, что на нынешнем этапе театральной перестройки во многих коллективах идет «война всех против всех», что отнюдь не способствует творческой атмосфере.

Обидно, обидно обо всем этом говорить. Тем более что снова и снова вспоминаешь то, с чего началась статья: высокий уровень сценографии на протяжении многих лет. Тому, конечно, есть социальные и внутрихудожественные причины. Но это предмет другой статьи. А здесь мне хотелось выразить ту боль, которую вызывает равнодушное или формальное отношение к подвижнической работе художников театра и кино.

Н. БОРИСОВА.

ТЕАТР ● ВЫСТАВКИ ● ЭСТРАДА

ХУДОЖНИК, КРИТИК, ЗРИТЕЛЬ:

«Как будто доклад...»

В репертуаре Иркутского драматического театра им. К. П. Озерлокова — современный спектакль — «Круглый стол под абажуром» В. Арро (второе название пьесы «Колея»).

Помните ли вы, с какой нежностью описывает Михаил Булгаков дом, в котором выросли Турбины? Изразцовую печь в столовой, «кровать» с блестящими шишечками, мебель старого бархата, потертые турецкие ковры, что мерещились маленькому Николке в скарлатинном бреду, бронзовую лампу под абажуром и «лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовой, Капитанской дочкой...» Вещи словно одухотворены, и за ними встает целый домашний мир, порядок, противостоящий хаосу мироздания.

На сцене совсем не то. Современная городская квартира, слегка запущенная, с давно назревшей необходимостью привести все в порядок.

Режиссер И. Борисов и художник В. Немко погрузили персонажей в реальную, не слишком устроенную жизнь, но придали ей некоторую мечтательность, воздушность. Героиня, 45-летняя Нелли, как и ее отец (в этих ролях заняты ведущие артисты театра — Т. Олейник и В. Венгер), всю жизнь боролась с бытом и потеряла умение жить семьей. Она спохватывается, что дома нет, все разбегаются, и вот покупает «круглый стол — символ уюта, возрождения новых отношений. Ей вспоминаются Турбины и видится своя семья за столом — сидят, касаясь друг друга локтями, пьют чай, говорят о жизни. Средство от ожесточения души, разобщенности и других пороков современности она видит в одном: теплом доме. Не в вещах, а в среде, атмосфере.

Тамара Олейник играет женщину с чистой душой, во многом сохранившую идеалы своей молодости, но не во всем последовательную. Когда Нелли с болью говорит о своем доме: «Здесь всегда будет ночлежка, казарма, сарай»,— чувствуешь, как верно схвачены драматургом и театром и сегодняшний кризис семьи, и социальный тип деловой женщины, одной воспитывающей детей.

Но спектакль не только о домашнем тепле, он о материи более тонкой: о нравственных основах. Передать детям свои принципы труднее, чем хорошие манеры: за первые нередко приходится расплачиваться, идти на жертвы. Сама Нелли предпочитала прямой путь, но, когда дело касается детей, ей страшно. Узнав, что дочь должна делать на «пионерском костре» доклад на тему «Традиции отцов», и что вожатая дала девочке готовый текст, Нелли приходит в ужас: «Это нечестно! Это бессовестно! Ты не будешь делать у этого как будто костра этот как будто доклад!»

Но сразу же, прикинув, как отнесутся к этому в школе, идет на попятный: ну разве что последний раз, но больше ни за что. В душе героини переплелись, смешались жизненные ценности, истины. Вернее, истины есть, но жертвовать за них детьми «куда труднее, чем расплачиваться самой. «Только русский интеллигент отдает семью за идею, за общее дело. Никто в целом мире!» — запальчиво бросает она отцу. Но тот, несгибаемый старик, человек старой формации, свои принципы перестраивать не будет. Не хочет да и не в состоянии: слишком крепко они были усвоены. У Виталия Венгера в этой роли текста мало, но как выразительны его молчание, его сухие, страдающие глаза. Пенсионер, которого наперебой рвут школы и техникумы, чуть не с каждого выступления возвращающийся в новом пионерском галстуке, он тоже оказался в тупике: как может он воспитывать с трибуны чужих детей, когда не сумел разобраться со своими?

В спектакле десять действующих лиц, и почти за каждым — характер, судьба, жизненная позиция. Драматург и режиссер за внешним слоем современной семейной драмы не только увидели вечные проблемы нравственного долга интеллигента, но и предложили их решение. Простое, старое как мир: будь честен и последователен в своих поступках.

С. НОВИКОВА.

ИРКУТСК.

В зеркале, как в воде

Афиша выставки, на которую я шла, весьма загадочно гласила: «Древние памятники архитектуры. Гармония живописи, скульптуры и истории». И вот в небольшой комнате, где размещается районный совет ветеранов Великой Отечественной войны, в доме номер 14, в Костянском переулке, взгляду открылось нечто, чему не сразу и название подберешь. На стенах, пожалуй, слишком близко друг к другу (мало оказалось стен) прилепились древние строения, выполненные в технике... Вот тут-то вся и загвоздка. Автор экспозиции Вадим Бобынин и сам не знает, как назвать свое творчество: то ли объемной живописью, то ли расписанным барельефами, то ли еще как. А делает он так.

Сначала из дерева — барельефный макет памятника, соблюдая масштаб, выверяя пропорции. Дерево не всякое годится. Лучше всего орех, дуб со старой мебели. Можно березу использовать. Липу нежелательно. Затем деревянный макет покрывается краской и опять же с помощью кресок списывается в окружающее пространство. И вот уже церковь Покрова на Нерли, словно в зеркале, отражается в речной воде. Здесь следовало сказать наоборот: словно в реке, отражается в зеркале, ибо водной гладью и служит самое обыкновенное зеркало.

Отделка вообще чрезвычайно ответственный процесс, каждый памятник требует индивидуального подхода. Например, Дмитриевский собор во Владимире художник не красной покрыл — дробленым мрамором с добавками стекла. А Матвеевский замок присыпал толченым камнем, из которого сделан оригинал. Использует Вадим Николаевич и металл, и пластмассу, и стружку, и картон... Вот крыша — из ватмана с наклеенными на нем нитками, решетки на окнах — из тюля, а деревьями служат «сучочки мочалки».

Откуда пошло? Наверное, из детства. Учился у замечательного грузинского скульптора Я. Николадзе, а тот в свою очередь — у француза Родена. Так что с учителями ему повезло. Но жизнь не всегда поворачивается к нам запланированными гранями. Стал Вадим Николаевич инженером-механиком. Инженером и на войну ушел. А демобилизовавшись в 1946 году, вновь потянулся к художеству. Оформлял интерьеры в санаториях, домах отдыха в Краснодарском крае, был принят в Союз художников.

Нынешняя выставка — результат работы последних семи лет. Мастерство, фантазия, удачно соединившись с любовью к древнему зодчеству, интересом к истории, воплотились в оригинальнейшие произведения. Сегодня среди них преобладают памятники «Золотого кольца России». А в планах — Средняя Азия, Прибалтика, Север... Велика страна. И шедеврами богата. Успеть бы сделать побольше. И с людьми поделиться.

Поделиться непременно. Эта выставка — первая в жизни художника. Хочется надеяться, не последняя.

Н. МАЙДАНСКАЯ.

Фото А. Птицына.

Дорога памяти

В творческой судьбе художника Николая Сергеевича Шина на первый взгляд не было острых драматических событий, если не считать, что за сорок лет не состоялось ни одной персональной выставки, что к своему шестидесятилетнему юбилею он пришел без званий и наград, не избалованный заметками о своем творчестве.

Просто все эти годы живописец работал в мастерской, преподавал в Ташкентском театрально-художественном институте имени А. Н. Островского, который когда-то закончил сам. Педагогическую работу полюбил оставить. А дар наставника у него удивительный. До сих пор с благодарностью вспоминают его ученики. Один из них Баходир Джалалов, лауреат Государственной премии СССР, считает, что основы «крепкого» рисунка, данные ему учителем, заложили фундамент его графического и монументального мышления. Шин щедро делился не только профессиональными навыками, но и своим жизненным опытом, он часто говорил о том, что в жизни и искусстве нельзя изменять самому себе, тем принципам, которые делают человека личностью, чуждой какой бы то ни было конъюнктуре.

На республиканских выставках появлялись работы Шина — цельного же представления о творчестве художника у зрителей не складывалось.

«Открытие» живописца Шина для собратьев-художников и зрителей состоялось два года назад, во время его творческого отчета — импровизированной выставки «на полу» в одном из залов Музея искусств Узбекской ССР. Впервые была показана серия живописных работ «Дорога памяти». Огромные холсты, картоны и подготовительные рисунки раскрывают грани таланта живописца.

Эта серия — реквием жертвам войн, произвола, террора, это боль утрат, понесенных всем человечеством. Тема ценности жизни и значимости человека в судьбах близких, родных, его народа раскрывается в разных по сюжету произведениях гранями высокого гуманистического начала.

Примечательно, что палитру художника составляют три-четыре цвета. Их виртуозной разработкой, контрастным соотношением художник «лепит» форму, достигает свечения цвета «изнутри». Работа «Мольба» занимает одно из центральных мест серии. Три образа — старик, стоящий на коленях перед горящей свечой, склоненная женская фигура и величественная фигура молодой женщины в белом трактованы «как сломленность, покорность и надежда на будущее, составляют смысловую канву произведения.

«Уходящие», «Оплакивание», «Сирота» — произведения, трогающие душу безмерностью людского горя и страдания, обращены к памяти живущих. Серия полотен «Дорога памяти» занимает центральное место в творчестве художника, по сути она стала той сокровенной и главной работой, о которой принято говорить — дело жизни.

О. СИДОРОВА, искусствовед.

ТАШКЕНТ.

● *Н. ШИН. Фрагмент работы «Уходящие» из серии «Дорога памяти».*

«Щедрик» для Марии Биешу

Нет слов, народная артистка СССР Мария Биешу и нынче, в завершающий день фестиваля деятелей искусств Молдавской ССР в Киеве, пела, как всегда, отменно. Превосходно звучал и орган, за пультом которого выступил солист В. Кошуба.

В финальной части программы, составленной преимущественно из произведений классиков, слушателей ждал сюрприз — сочинение украинского композитора А. Костина «Посвящение Марии» на слова киевского поэта Н. Лукина. Это, как объявила ведущая, своеобразный подарок молдавской гостье от музыкальной общественности Украины в благодарность за ее активное участие в организации фестиваля органной музыки. Сопровождал новый номер программы, кроме Квартета имени Н. Лысенко, детский хор «Щедрик» Октябрьского дворца культуры Киева (художественный руководитель И. Саблина).

Как сообщили в Министерстве культуры Украинской ССР, за первым концертом — смотром мастеров сольного пения в сопровождении органа — последуют и другие. Каждая из советских республик изъявила желание принять участие в этом впервые проводимом в СССР фестивале органной и камерной музыки. В программах, рассчитанных на три года, предусмотрены обменные концерты артистов из братских республик, которые пройдут в органных залах республиканских столиц.

О. ГУСЕВ. (Наш соб. корр.).

КИЕВ.

Годы и роли

Сорок лет на сцене Томского драматического театра — такой стаж народной артистки РСФСР Т. Лебедевой. За эти годы сыграно множество ролей — комедийных, драматических, и в каждую вложена часть души. В области трудно найти Дом культуры или клуб, на сцене которого не игрались бы спектакли с участием Тамары Павловны.

● *Сцена из спектакля «Ретро» А. Галина. В роли Песочинской — народная артистка РСФСР Т. Лебедева, в роли Чмутина — заслуженный артист РСФСР А. Аркин.*

Фото В. Казанцева (ТАСС).

ЭХО ГАСТРОЛЕЙ

Юность большого балета

«Высочайшее мастерство молодых танцоров из академии было очевидным. Зрители сразу поняли, что не зря потратили деньги. Будущие «звезды» Большого продемонстрировали силу и энергию, которой может гордиться русский министр культуры»,— так откликнулся критик английской газеты «Рочдейл обсервер» на гастроли Московского академического хореографического училища, которые состоялись здесь после двадцатилетнего перерыва. В свою очередь газета «Пост» замечала: «Люди из Лондона и Манчестера располагались лагерем вокруг театра на всю ночь, чтобы достать билеты».

Гастроли длились полтора месяца. 59 учеников и четыре недавних выпускника МАХУ — Галина Степаненко, Александр Петухов, Алексей Малыхин, Александр Монахов дали в Лондоне, Манчестере, Саутгемптоне и Бирмингеме 39 концертов, показали три программы.

Рассказывает директор Московского хореографического училища Софья ГОЛОВКИНА:

— Наш приезд вызвал огромный интерес еще и потому, что советскую творческую молодежь там знают очень мало. Нет, разумеется, в Англии достаточно часто гастролируют наши молодые артисты, но вот что касается художественных школ, школ искусств, вузов, то знакомство с ними еще только-только начинается. И, думается, подобные контакты между СССР и другими странами надо расширять. Ведь эти поездки дают представление не только о профессиональной подготовке и системе образования — они наглядно показывают, какое поколение мы растим, а следовательно, каким хотим видеть наше будущее. И потому важно было, чтобы англичане убедились: в Советском Союзе молодежь творческая, она готовится для созидания, для мирной жизни.

В каждом из городов наши гастроли начинались с пресс-конференций: что такое перестройка в искусстве, есть ли в нашей стране свобода творческого мышления, в каком направлении развивается советская хореография. И, конечно, всех интересовало, как живут наши студенты. Любопытно: поначалу, узнав о том, какие условия созданы для учащихся в нашем интернате, о стипендии, которую им платят, о том, что получить хореографическое образование может одаренный ребенок из любого уголка страны, многие воспринимали эту информацию как пропаганду — настолько невероятной она казалась англичанам. Но когда об этом рассказывали сами ребята, им не могли не верить.

Во время поездки между нашими учащимися и их английскими сверстниками проходили интересные дискуссии. Одна из них состоялась в Лондоне, в культурном центре, организованном обществом дружбы «Великобритания — СССР». Сразу после открытия там выставки советского фотомастера А. Макарова в небольшом учебном театре состоялся совместный концерт: первое отделение танцевали мы, второе — молодежь из балетных студий, входящих в общество.

Аналогичная встреча состоялась и в Манчестере. Там нас ожидало небольшое испытание. Дело в том, что те, кто критиковал в Англии наши выступления, утверждали, будто, продолжая классические традиции Большого театра, мы не разбираемся в танце модерн, не понимаем джазовой музыки, не говоря уже о рок-н-ролле и так далее. И вот студенческая молодежь Манчестера пригласила нас на дневную дискотеку. Хозяева на небольшой эстраде демонстрировали и брейк, и то, и другое. Наши ребята тоже пошли танцевать. И вот тут англичане растерялись, увидев, насколько они блестяще знают современный танец. Потом уже все перемешались, начали импровизировать, потом пошел разговор — кстати, оказалось, многие из наших собеседников изучают русский язык. И для молодых английских танцовщиков было неожиданностью то, что у нас есть спектакли разных направлений — и классическое наследие, и огромный современный репертуар, и что у нас преподается и джаз-танец, и танец народно-сценический. И все сетовали на то, что мало знают о советской творческой молодежи — даже московской, не говоря уже о других городах и республиках.

В Англии очень интересуются нашей школой, системой обучения. И я, и мои коллеги — педагоги Александр Прокофьев, Людмила Литавкина дали несколько уроков для учащихся балетных школ и даже для всех желающих. Так, в Саутгемптоне объявили по радио, что каждый может принять участие в открытом уроке классического танца. Собралось очень много народу, мне, в частности, «достались» 50 человек — от восьми до восемнадцати лет, с другой группой занимался Александр Прокофьев. Показательный урок проходил на сцене, а в зрительном зале сидели папы и мамы.

За время гастролей не произошло ни одного неприятного случая. Хотя негативное настроение определенных кругов ощущалось, почти повсюду перед началом представления нас поджидали сионисты с плакатами. Так что каждый концерт начинался с того, что менеджер выходил на сцену и обращался к публике. По имеющимся у нас сведениям, говорил он, в зале готовится провокация (тут зал начинал гудеть). Большая балетная академия — наш гость, и если у кого-то есть какой-либо протест, убедительно просим высказать его в первом же антракте в фойе. После этого начиналась сначала буря негодования, затем буря аплодисментов.

О двух концертах хотелось бы сказать особо. Средства от одного пошли в пользу детского дома, от другого — в фонд скорой помощи.

Выступления училища принимали очень тепло. Секрет успеха мне видится прежде всего в системе хореографического образования молодых артистов в нашей стране. И, конечно, в подборе репертуара мы старались показать лучшее, что у нас есть.

Подобные гастроли, конечно же, важны для профессиональной подготовки студентов. У нас есть сценическая практика на сцене Большого театра и Кремлевского Дворца съездов, но во время поездок ребята работают, что называется, в «боевой обстановке», с полной рабочей нагрузкой и начинают адаптироваться к условиям, ритму жизни взрослых танцовщиков. А это очень важно. Гастрольные поездки — по сути, наш трудовой семестр. МАХУ много ездит — только в прошлом учебном году мы побывали на Сахалине, на Дальнем Востоке, в Севастополе, Владимире, Ижевске, сейчас собираемся в Краснодар. И, конечно, гастроли по стране и за рубежом важны для ребят и в познавательном, и в воспитательном смысле: они видят жизнь в разных ее проявлениях, постигают цену труда, наглядно убеждаются в том, какие огромные преимущества имеют они по сравнению хотя бы с теми же английскими танцовщиками, для которых проблема обучения и трудоустройства стоит очень остро. Наши же выпускники сразу же получают приглашения в разные театры Советского Союза.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ● КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ

Коррида

А как же иначе назвать эти заметки? И не зря же это слово возникает в фильме! Настоящая коррида, где оба — режиссер и героиня — видят себя тореадором, вот что такое фильм «Майя Плисецкая: знакомая и незнакомая».

Представление диктора, как всегда выдержанное в тонах торжественных и напыщенных, обещало встречу с Героем Социалистического Труда, народной артисткой СССР. Сколько однообразно-апологетических лент прошло перед нашими глазами после таких представлений. Высокое искусство. Высокое предназначение. Одно слово — небожители!

А здесь — все наоборот. Фильм начинается со стычки, фильм начинается так, что диву даешься, как он вообще состоялся, как был сделан, досмят, наконец, и почему одна из сторон — режиссер Борис Галантер и балерина Майя Плисецкая не прекратили однажды эту изнуряющую битву. Режиссер хотел, чтобы в фильме подлинным открытием стала личность Плисецкой; Плисецкая же считала, что режиссер хочет сделать фильм «для консьержек». Замечательное содружество!

Но, наверное, именно потому, что в картине встретились две личности, этот фильм и состоялся.

«Судьба — это характер» — так говорит Плисецкая, имея в виду прежде всего себя и свою судьбу. Повторяет, кстати, эти слова в фильме дважды подряд. Зачем же понадобилось режиссеру вставлять в картину два практически одинаковых дубля? Чтобы подчеркнуть искренность балерины? Или дать понять, что суждения скрупулезно взвешены? Решать зрителю. Но характер виден в фильме сполна, отнюдь не гладкий, не ангельский, далекий от того изысканно традиционного образа балерины «вообще», и которому мы привыкли (вернее, нас приучили). Об этом фильме трудно писать, потому что сама Плисецкая сказала о себе очень много — раскрывать нечего: «я не мечтатель, а реалист», «если я сомневаюсь, я не делаю», «я сорок лет провела в войне». Но в подробности этих «сомнений» и «войн» зрителя не посвящает. Кажется, героиня раскрывает себя с беспощадной искренностью, но, видя перед собой такой характер, начинаешь думать, что вряд ли он раскрылся до конца. Там еще много много чего осталось не замеченного камерой, запрятанного в такие глубины, куда никому не пробраться.

В фильме нет диалога. Режиссер вроде бы удовольствовался скромной должностью интервьюера. Он ставит короткие, простые в формулировках вопросы. Но подбирает их очень точно — и так же точно монтирует с балетными сценами: они дополняют, открывают то, что недосказано в кадре.

Перед нами складывается судьба-характер женщины, познавшей всемирную славу, непреходящий успех, восторг, все высоты признания и отдающей себе в этом отчет. Она имеет право делать то, что делает: нравится это кому-то или не нравится. Например, демонстрировать модели от Кардека, не превращаясь в манекенщицу. Меняется иерархия, виднай от «низов лестницы»: это не ей нужен Карден, а она нужна Кардену. У него каждое платье — «подписное», а у нее, все, что ни сделает,— сделано Майей Плисецкой. Она может, забросив пачку умирающего лебедя, танцевать джазовую импровизацию. Она может сказать, что балерина, имеющая детей, уже не принадлежит полностью искусству. Имеет право, потому что сама его заслужила. И с этим следует считаться, хотя соглашаться вовсе не обязательно.

Плисецкая на одни вопросы отвечает подробно, на другие — коротко, от третьих уклоняется вовсе. Вроде бы получается, что она лидер, за которым послушно идет режиссер. Она может выкинуть из фильма эпизод (об этом говорит режиссер), она может сказать что-то про дурной свет и наконец выразить после многих дней съемки свое доверие оператору Анисимову. Она привыкла быть лидером — именно потому и состоялась ее судьба. Но... Согласившись сняться в фильме, балерина вступила на чуждую ей территорию, где хозяин, знаток, распорядитель — кинорежиссер. Именно он, выведя фильм из сумбура первых кадров, первых стычек, сломал «заслон» и заставил ее рассказать обо всем, что хотел услышать сам, и поставил ее на экране такой, какую узнал во время съемок, и, может быть, не такой, какой она сама себя видит.

Так кого же объявить тореадором в этой корриде?

Отвечая на один из вопросов режиссера, Майя Михайловна Плисецкая сказала: «Я хочу, чтобы после этого фильма меня не спрашивали: когда же появится о вас что-нибудь достойное?».

Вот и появилось. Возможны иные варианты — придет другой режиссер, снимет по-своему. Но то, что мы узнали,— это образ, созданный Борисом Галантером, увиденная именно им личность, в которой и для нас незнакомого стало чуть меньше.

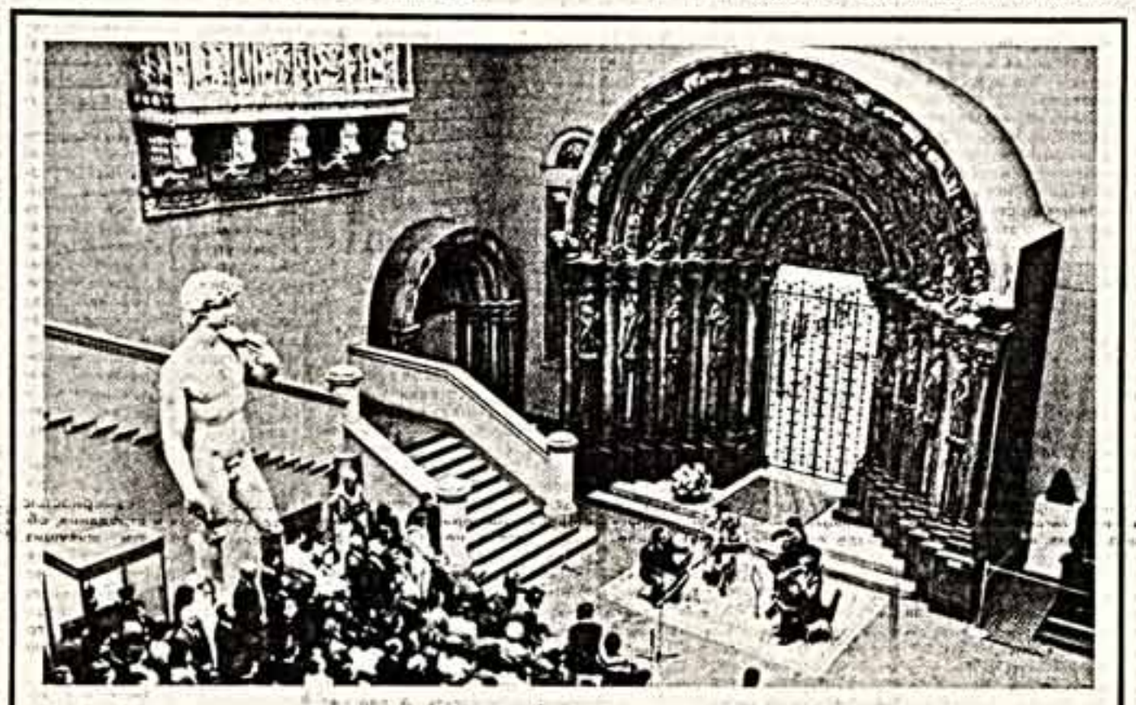
Л. ПОЛЬСКАЯ.

40 лет спустя

В Казахском государственном академическом театре оперы и балета имени Абая в Алма-Ате состоялся творческий вечер — отчет народного артиста СССР Шамгона Кажгалиева, главного дирижера и художественного руководителя Казахского государственного академического оркестра народных инструментов имени Курмангазы.

Сорок лет назад Ш. Кажгалиев начинал в этом оркестре домбристом, но вот уже более трех десятилетий является его главным дирижером и художественным руководителем. За это время оркестр приобрел широкую известность, стал лауреатом международных и всесоюзных конкурсов, получил звание заслуженного коллектива республики.

В. МАРИЧЕВА.
(Наш соб. корр.).
АЛМА-АТА.



● Выступает Государственный квартет имени Д. Шостаковича в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина на открытии выставки «Антонио Страдивари и итальянская школа скрипичного мастерства XVII—XVIII веков».
Фото Р. Нетелева (ТАСС).

ПОРТРЕТ

КАК ГЕРОИ ИХ ПЕРВЫХ КАРТИН

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ тандеме кинорежиссеров — Александре Алове и Владимире Наумове написано много в периодике и специальной прессе. Фактически существует целая литература, особенно за рубежом (статьи в сборниках и ежемесячниках, буклеты, мини- и макси-монография). Несколько лет назад тандем распался жестокой волею судьбы.

Александр Александрович Алов, не дожив несколько месяцев до своего шестидесятилетия, внезапно скончался — буквально на «финишной прямой» съемок фильма «Берег» (по роману Юрия Бондарева).

За годы, прошедшие после смерти соавтора и друга, Владимир Наумович Наумов успел отснять полнометражный художественно-документальный фильм памяти ближайшего в творчестве человека — «Алов», «разукрупнил» для французского телевидения ранее поставленный двухсерийный детектив «Тегеран-43», доведя его до пяти серий, продолжил дальнейшее сотрудничество с Юрием Бондаревым, экранизировав его роман «Выбор», добился выхода на экран, по-моему, лучшего произведения своей творческой биографии («Скверный анекдот» по рассказу Достоевского 22 года пролежал на полке) и, наконец, основательно переработав некогда «запретный» сценарий «Закон», приступил недавно к съемкам этой кинофрески, посвященной острейшей теме «расчета» с тяжким прошлым — трагическим временем довоенных и послевоенных репрессий, «полосой» беззаконий культа личности...

— У меня позади пять неиспользованных отпусков, — признался мне в одной из бесед «по душам» Владимир Наумович. Художественный руководитель творческого объединения на «Мосфильме», народный артист СССР, «метр», мастер очень широкого диапазона — от романтической оды до сатирической гиперболы и фантасмагорического гротеска,— он человек большого трудолюбия... Лермонтовское, знаменитое «понять я не могу, что значит отдыхать»,— это как бы и о нем...

Зная Наумова около двадцати лет, написав о нем, его лентах, писательских, режиссерских и живописных замыслах (он ведь рисует, да еще как!) не один десяток страниц; ежедневно перезваниваясь с ним на предмет «киноновостей», я все-таки не уверен, что знаю Наумова достаточно хорошо, чтобы с жесткой определенностью утверждать: «он вот такой, но не такой...»

Любимейший его писатель Достоевский, которого он с нежностью и почтением называет лишь по имени-отчеству — Федор Михайлович,— некогда, в «Братьях Карамазовых», произнес устами своего Мити фразу, ныне общеизвестную, может, даже расхожую: «...Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил».

Наверное, «для пользы» киноискусства Наумова тоже бы следовало «сузить»... Ведь явно на разрыв, на разнос, не слишком-то крепкого здоровья, работает один из создателей «Тревожной молодости», «Павла Корчагина», «Монеты», «Мира входящему», «Легенды о Тиле».

Сам придумывает и записывает сценарии своих киножартин, сам изо дня в день «прокручивает» вместе с коллегами режиссерские замыслы целого объединения, сам пишет (а не подписывает чужими руками сваганенные) серьезные статьи-эссе (для издательства «Искусство» написал предисловия к уже вышедшему сборнику «Франсуа Трюффо» и готовящемуся сборнику «Жорж-Анри Клузо»).

И читает, читает без конца — молниеносно, но запоминая каждую из прочитанных страниц почти наизусть. Я впервые поразился его памяти лет пять-семь назад, когда в разговоре о критиках Достоевского он почти без записки процитировал огромные куски из работ Мережковского, Леонтьева, Лосского (их, эти работы, знают лишь немногие специалисты — философы, литературоведы). Бахтина и Бурсова, посвятивших Достоевскому жизнь, он уже не цитирует — пересказывает часами, как настольные книги, как семейные предания...

А Булгаков? Знание Наумовым Булгакова, всех его текстов, всех подробностей его высокой и головокружительно трагичной жизни изумительно. В этом смысле у него, может быть, лишь один достойный и трогательный «соперник» — вдова Михаила Афанасьевича, Елена Сергеевна, которая когда-то плакала, смотря в маленьком, тесном рабочем зале «Мосфильма» первый, неурезанный вариант «Бега» (он тогда назывался «Путь в бездну»; потом название, показавшееся вдове чрезмерно эффектным, мудрейший Александр Александрович Алов посоветовал заменить на скромное, без затей: «Бег», по мотивам произведений Булгакова)...

Владимир Наумович — редкий эрудит. Я как-то раз вспомнил об одном из событий 60-х годов — приезде в Москву Жан-Поль Сартра на премьеру спектакля «Лиззи Мак-Кей» (с Любовью Орловой). Наумов прервал мои воспоминания зрителя торжественной премьеры, принявшись ругать недавно изданную «Философскую энциклопедию» за то, что в перечне трудов выдающегося француза автор статьи не назвал его роман «Тошнота».

В запале «разоблачительства» Наумов полез по полкам своей библиотеки искать оригинал (издательство «Галлимар», по его уверениям; позже я проверил — он не ошибся). Так и не нашел, воскликнул в сердцах:

— Опять заиграл кто-то из «этих», из «пишущих»... Хоть не подпускай никого к книгам...

Безусловно, книги, литература — его страсть, его дыхание, кровная часть бытия.

Но для меня блеск его эрудиции никогда не заслонит точности осмысления им реальной жизни, ее повседневных забот. Наумов из любого пустяка, из житейской дребедени, какой-нибудь мелочи никчемной умеет и в разговоре, и на пленке извлечь поэтическую, завораживающую, волнующую сердце красоту. Импульсивный, острый, темпераментный, неукротимо взрывной в своих порывах, симпатиях и антипатиях, этот человек (режиссер, драматург, живописец, но прежде всего и более всего — поэт) к тому же обладает редкостной фантазией. Он сутки напролет может «фонтанировать», предлагая себе самому и собеседнику варианты эпизода, кадра, панорамы, мизансцены, диалога, монолога, наконец, фильма в целом.

Существует легенда, что покойный Алов, корректный и рассудительный, сдерживал, смирял буйные словесные и пластические, живописные экзерсисы Наумова. Не знаю. Я не был тому свидетелем, хотя присутствовал на съемках нескольких их картин (ездил в Ригу смотреть, как сражаются флотилии в «Легенде о Тиле», наблюдал павильонные и натурные съемки «Тегерана-43», «Берега»). И никогда не слышал, чтобы сверхтактичный Алов прервал или хотя бы оспорил яростного, венстового друга и единомышленника Наумова. В этом тандеме никто друг друга не поправлял, не редактировал...

Алов и Наумов снимали вместе, со студенческих лет привыкнув чувствовать рядом локоть товарища, собрата по труду. Доверие их друг к другу, взаимопонимание и взаимоуважение не поддаются никаким привычным словесным формулировкам. Благодаря этому, благодаря слитности их талантов советское кино обрело ряд выдающихся картин.

Теперь союза больше нет. Нет режиссера Алова-Наумова. Есть режиссер Владимир Наумов. Со смертью Алова он потерял часть себя, своей натуры. Но до сих пор он верен идеалам своей тревожной молодости. Идеалам конца 50-х годов, «Идеалам XX съезда» КПСС, позвавшего к экрану целое поколение киноталантов.

«Рукописи не горят»,— писал Булгаков. Настоящая индивидуальность, настоящее дарование не увядают в неизбежной смене экранных кумиров.

На днях ему исполняется 60. Полно! «Все врут календари...» Он юн, стремителен и напорист, как лихие, боевые ребята, настоящие революционеры, герои их первых с Аловым комсомольских картин...

Дмитрий ШАЦИЛЛО.

● *Народный артист СССР В. Наумов.*

НА ЭКРАНЕ — ЗАРУБЕЖНЫЙ ФИЛЬМ

Какие зарубежные ленты мы покупаем и как прокатываем их! На вопросы нашего корреспондента И. Бобровой отвечает председатель В/О «Совэкспортфильм» О. РУДНЕВ.

— Олег Александрович, в адрес вашей организации и зрителя, и средства массовой информации предъявляют немало претензий, сводящихся к следующему — покупаются «не те» фильмы...

— Полагаю, что это происходит от недостатка информации о нашей работе, от дефицита гласности. В некоторых критических выступлениях проскальзывала даже мысль: а знает ли вообще «Совэкспортфильм» то, что делается сегодня в киномире?

Я хочу официально заявить: мы знаем все, что производит мировая кинематография. Во-первых, мы имеем 55 представительств за рубежом, которые регулярно информируют нас об иностранной кинопродукции. Во-вторых, мы участвуем почти во всех кинофестивалях и киноярмарках, проводимых на земном шаре. Затем у нас есть Всесоюзный научно-исследовательский институт киноискусства. Он регулярно, несколько раз в год, дает свои рекомендации — так же, как и Союз кинематографистов. Делятся своими соображениями и творческие делегации, выезжающие за рубеж. Более того, в такие страны, как США, Франция, Италия, Англия, Индия, мы направляем закупочные комиссии, которые смотрят всю кинопродукцию за год. Наконец, США показывают специально для нас и других соцстран свою кинопродукцию на ежегодном международном киноярмарке в Лондоне. Иностранные фирмы присылают фильмы для просмотра и в Москву.

Не надо обольщаться — в мире слишком много низкосортной кинопродукции. Утратили свою былую славу и итальянский кинематограф, и французский. Я не говорю уже об Англии, Японии, Швеции, Голландии и т. д. Становится все труднее отбирать иностранные фильмы для проката у нас в стране. Возьмем, к примеру, Францию. По межгосударственному соглашению мы должны ежегодно покупать друг у друга 10 полнометражных кинолент. Однако из нескольких десятков просмотренных нашими киноведами во Франции фильмов им в этом году пока с трудом удалось отобрать всего несколько для нашего экрана. И дело вовсе не в обилии на экране секса и драк, а просто в убогости драматургии и режиссуры.

Необходимо отметить, что национальный кинематограф многих стран мира буквально раздавлен американской киноиндустрией, кинонаступлением Голливуда, противостоять которой чрезвычайно сложно, особенно кинематографиям развивающихся стран.

— И все-таки почему наш зритель раньше не смотрел те картины, которые составили гордость мировой кинематографии?

— Интересно, что задавать и отвечать на эти вопросы мы стали не так давно. Почему? Считаю, что поумнели и те, кто задает этот вопрос, и те, кто отвечает на него. Ведь несколько лет назад подобные вопросы задавали лишь шепотом, в кулуарах.

Так вот, не было ни одной, подчеркиваю, ни одной картины известных мастеров или ленты, прозвучавшей где-то на фестивале, на киннеделе, в прессе, отмеченной той или иной наградой, которую «Совэкспортфильм» не выставлял бы на закупочную комиссию! Поясню, иностранные фильмы приобретаются только после положительного решения закупочной комиссии, согласования с кинопрокатом и утверждения коллегией Госкино СССР. Вы думаете, что мы никогда не ставили вопрос о закупке «Восьми с половиной» или «Полуночного ковбоя»? Или «Крестного отца»? Ставили и неоднократно. Но по разным причинам эти фильмы от покупки отклонялись.

Замечу, что когда нас ругают за то, что мы лишили советского зрителя возможности увидеть лучшие киноленты, то ведь разговор идет буквально о трех десятках картин, созданных практически за всю историю кинематографа! Это говорит о том, что степень нашей погрешности не так уж велика! А сейчас мы пытаемся свести ее до нуля. Вы знаете, что на последнем XV Московском кинофестивале мы дали гарантию — все его фильмы-призеры будут приобретены. И это слово мы сдержим.

И все это, безусловно,— результат той нравственной атмосферы, которая устанавливается сегодня в нашем обществе. Мы пришли к уровню, на котором можем уже более разумно, более вдумчиво решать эти вопросы.

— Скажите, а много ли советских картин мы сегодня продаем за рубеж?

— Достаточно, хотя можно было бы и больше. За восемь месяцев этого года продано 466 фильмов в 74 страны мира. Здесь лидируют «Покаяние», «Иди и смотри», «Курьер», «Письма мертвого человека», «Плюмбум, или Опасная игра», «Капитан «Пилигрима», «Миражи любви», «Рысь возвращается», «Одинокая женщина желает познакомиться», «Человек с бульвара Капуцинов».

Должен сказать, что до сих пор мы очень мало занимались изучением зрительского восприятия советского фильма за рубежом. Да, мы продаем много, у нас покупают, хотя, оговорюсь, и не всегда показывают. Что важно — впервые западные киноделтели заговорили о коммерческом потенциале советских фильмов. У нас ведь долгое время шел спор — что ставить во главу угла: коммерцию или идеологию. И только сейчас мы начинаем понимать, что достичь нужного идеологического идеала мы можем только через коммерцию. Конечно, хорошо, когда мы за рубежом показываем советские фильмы в посольстве или обществе «Дружба». Но этого ведь мало. Нужно выйти в кинотеатры. Нам нужно выйти к тем людям на Западе, которые должны получить правдивое представление о социализме, о нашей жизни и наших проблемах.

— А каких зарубежных фильмов сегодня больше на нашем экране — серьезных или, как принято говорить, коммерческих, развлекательных? И каких, на ваш взгляд, должно быть больше?

— Прежде всего должна быть разумная сбалансированность и тех, и других. Не так давно пресса обрушилась на нас с вопросом: зачем к нам пришла «Анжелика»? Прессу поддержали тысячи читательских мнений. Хорошо, наконец она ушла. И сейчас же в редакции посыпались другие письма: зачем ушла «Анжелика»? Вы что, хотите нас настольно «забертоллучить» и «зафеллинить», чтобы развлекательным фильмам вообще больше не было места на экране?

Да, порой мы допускали ошибки, предлагая зрителям фильмы не самого лучшего вкуса. Но вот совершенно поразительный призер — фильм «Амадеус» Милоша Формана, талантливого режиссера, получивший всемирное признание — 8 «Оскаров»! Мы гордимся тем, что нам удалось договориться и приобрести эту великолепную картину. Но вот один член Союза композиторов, дирижер симфонического оркестра, просто громит нас за покупку этой картины, считая, что люди, позволившие это, ни одной секунды не должны оставаться на своей должности!

— Какие проблемы, стоящие сегодня перед «Совэкспортфильмом», вы считаете наиболее важными?

— Проблем много. Решение большинства из них зависит от нас. Сейчас нам не хватает валютных средств на приобретение фильмов. Более того, мы переходим на полный хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. Заработаем — деньги, если не заработаем, то никто нам их больше не даст. Да, мы будем стараться работать лучше, будем постоянно отчитываться перед нашим зрителем. Для того чтобы больше иностранных фильмов купить, нам надо больше советских продать. А наши партнеры весьма разборчивы в выборе советских фильмов для покупки. У нас еще слишком много серых, бездарных картин, которые экспортировать трудно, да и стыдно. Значит, надо перестраиваться всем, во всех звеньях советского кинематографа. Без этого у нас, ничего не получится.

— Олег Александрович, давайте назовем читателям фильмы, которые они смогут увидеть на экранах, и те, которые «Совэкспортфильм» хотел бы им показать.

— В первую очередь следует назвать ленты мастеров экрана социалистических стран. Это и венгерские картины: «Полковник Редль» И. Сабо и «Лепестки, цветы, венки» Л. Лугоши, и чехословацкие ленты: «Деревушка моя центральная» И. Менцеля, «Смерть прекрасных косуль» К. Кахиня, «Тени знойного лета» Ф. Влачила, и польские фильмы: «Герой года» и «Защитные цвета» К. Занусси. Румынский кинематограф представлен картиной М. Данилюка «Якоб», болгарский — лентами И. Грыбчева «Ева с третьего этажа», М. Николова «Кто-то за дверью», Г. Стоева «Приключения Спаса и Нели», Л. Пенчева «Собака и влюбленные ребята», югославский — фильмом Д. Шорака «Офицер с розой». Из фильмов ГДР хотелось бы отметить две картины Г. Чохе — «Остров лебедей» и «Одна в лодке». Зрители познакомятся также с двумя новыми работами монгольского режиссера Г. Жигжидсурэна — «Пошлите меня на фронт» и «Дерево, распустившее почки осенью». Его коллега из Вьетнама Чан Ву представляет на суд советских зрителей фильм «Братья». Разнообразна программа китайских художественных лент: «Городок лотосов» Се Цзиня, «Большой парад» Чень Кайгэ, и другие.

Теперь о наших «долгах». После споров и дискуссий со специалистами и киноведами мы составили список картин из архива Госфильмофонда, которые мы должны непременно приобрести для показа советскому зрителю. Мы эти фильмы заказываем, предлагаем закупочной комиссии, причем ведем себя в этом деле, я бы сказал, наступательно. Сейчас, кстати, стало легче что-либо доказывать — закупочная комиссия изменила свое лицо, состав, практику работы.

Так, из сорока наименований этого списка что-то уже куплено. Это «Восемь с половиной», «Джинджер и Фред» Феллини, «Красная пустыня» Антониони, «Разговор» Копполы, «Скромное обаяние буржуазии» Бунюэля, «Ран» и «Семь самураев» Куросавы, «Рэгтайм» и «Полет над гнездом кукушки» Формана, «Легенда о Нараяме» Имамуры.

Также недавно приобретены фильмы: «Фанни и Александр» Бергмана, «Сальвадор» Стоуна, «Пурпурная роза Каира» Аллена, «Отелло» Дзеффирелли, «На следующее утро» Люмета, «Связь через пиццерию» Дамиани, «Кордебалет» Аттенборо, «Французский канкан» Ренуара, «Колдовская любовь» Сауры, «Данди по прозвищу Крокодил» Фэймена и другие.

Повторно будут показаны: итальянские картины «Брак по-итальянски» Де Сики и «Утраченные грезы» Де Сантиса, французские — «Супружеская жизнь» Кайятта, «Искатели приключений» Рико и «Монпарнас, 19» Беккера.

Далее. Мы выслушали ряд специалистов, имеющих свое мнение. И тоже предложили комиссии — отдельным списком — фильмы, рекомендованные делегациями Госкино СССР и Союза кинематографистов, выезжавшими на международные кинофестивали. Среди предложенных фильмов — ленты итальянцев Торнаторе «Профессор», Лоя «Мои друзья», американские фильмы — Райтмана «Пражо орла», Хенсона «Лабиринт», Спилберга «Цвет пурпура», английские ленты «Дед Мороз» Шварца, «Сын Америки» Фридмана, «Процесс» Уэллса, «Верный удар» Кинга, французская лента «Мужчина и женщина, двадцать лет спустя» Лелюша. По рекомендациям, высказанным в печати, будут предложены для закупки египетские фильмы «Начало», «Люди наверху», «Шестой день», «Последняя история любви» и другие.

Чтобы не упустить что-либо из классики, мы составили список зарубежных фильмов по жанрам, которые покажем закупочной комиссии. В разделе драмы — «Три брата» Рози, «Изгой», «Крестный отец», «Клуб «Коттон», «Апокалипсис наших дней» Копполы, «Унесенные ветром» (за который, кстати, запрашивают неимоверную сумму) Флеминга, Богдановича. Есть и научная фантастика: ленты Спилберга «В поисках ковчега», «Звездные войны». В числе наиболее ярких комедийных и музыкальных фильмов — ленты «Флеш данс», «Живешь только дважды», «Шоу-бизнес», «Братья блюз». Это все ленты США. В разделе детективов — американские ленты «Полицейский из Беверли Хиллз», «Око за око», «Французский связной», «Мольба о смерти», французская — «Профессионал», итальянская — «Мир сегодня ночью». По нашему мнению, было бы целесообразно показать советскому зрителю наглядно, что такое наш идеологический противник сегодня, без фрака, без смокинга, и как он рассказывает о нас с вами. Стоит продемонстрировать хотя бы фрагментарно, может быть, по телевидению некоторые фильмы антисоциалистической направленности. Ведь наш массовый зритель даже не подозревает, до какой пошлости, цинизма, безнравственности и лжи можно порой дойти в изображении нашей жизни!

— Наконец последний вопрос, Олег Александрович. О приобретении каких картин в настоящий момент идут переговоры?

— Это американские ленты «Инопланетянин» Спилберга, «Вся эта суета» Фосса. Договариваемся также о покупке таких картин, как «Бах и Брокколи» (Канада), «Беглецы», «Поле чести» (Франция), «Официальная история» (Аргентина), испанская — «Полнеба», индийские — «Жемчуг», «Девушка, выходи замуж», «Знакомство», «Понятие», «Выбор учителя». Пытаемся договориться, но средства у нас не безграничные, а планы закупок обширные.

Итак, можно только порадоваться обширности планов по закупке наиболее значительных зарубежных лент. А как обстоит дело с уже идущими на наших экранах фильмами? Как кинопрокат способствует их продвижению к зрителям? Какие новые формы пропаганды лучших образцов зарубежной кинопродукции приводит в действие? Эти вопросы и станут темой нашей следующей беседы с одним из руководителей кинопроката.

ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ

Эмилю Лотяну

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ДУЭЛИ

И сейчас, когда я пишу эти строки, меня не покидает ощущение его присутствия где-то совсем рядом. Не мистика и не игра воображения. Если повернуть голову, я встречу его взгляд. Глаза Пушкина. Глаза ежедневного Александра, жизнь которого переплелась с жизнью миллионов людей человеческого братства. Заканчивается год, в котором мировая общественность отметила 150-летие со дня смерти А. С. Пушкина. Мир Пушкина встает над временем, реальный и безбрежный, и каждое поколение, отыскав секунды его бытия, множит этот мир и приближает к себе.

Я УСЛЫШАЛ впервые о Пушкине от моей матери в том примерно возрасте, когда Сашу Пушкина привезли в Царское Село в Лицей. Первым стихотворением поэта, которое я прочел в блистательном переводе на родном языке, было послание к Чаадаеву. На следующий день я взял из домашней библиотеки «Капитанскую дочку». Знакомство с русским языком произошло через несколько дней, когда заучивал наизусть по-русски обращенные к Чаадаеву строки.

Я учил их легко, они запоминались, как музыка, и сочетание звуков будоражило кровь, воображение. Стихотворение смешалось с образами повести, меня уносил куда-то неудержимый поток, смесь пламени и бурана, звуки клинков и отблески зарниц и лица, лица, лица...— кроткие женские, обветренные лица мужчин. Грозным эхом возникало имя Пугачева и тут же разрывалось всполохами и метелью. Поток уносил меня, пронзая болью, состраданием, удалью и многим таким, что в том возрасте не имело имени и названия.

Так я вошел в мир Пушкина, и то первоначальное ощущение легло в подсознание прочно, на самое дно, высвечивая изнутри все то, что впоследствии читал, писанное Александром Сергеевичем.

С тех дней я не только читал — видел строки Пушкина, будь это стихи или проза, беру смелость сказать: смотрел множество кинолент, созданных Пушкиным. Его словом, его судьбой. Я видел Пушкина и Анну Керн в Тригорском в теплой тишине летнего сада, когда, стоя на крыльце, провожал ее глазами — царственно нежную, даришую долгие годы близость души и понимание. Он свято хранил то «чудное мгновенье» и передал его нам вместе с собственным сердцебиением. Я перечитываю письма, слышу сплетение русского и французского говора, мягкую, неспешную речь Анны Керн и звонкий, порывистый голос Александра Сергеевича и благодарю с непростительным опозданием мою мать, заправшую меня в детстве в комнате вместе с учебником французского языка...

Да простит нам поэт нашу маниакальную страсть ходить за ним по пятам, наше бесцеремонное вхождение в интимный круг его дней. Это выше нас, и это часть нас самих. Эту потребность испытывали почти все, кто прикасался к его творениям и судьбе.

В годы работы над романом о декабристах Л. Н. Толстой разыскал следы Михаила Ивановича Пущина, младшего брата лицейского друга поэта Ивана Ивановича Пущина, сосланного в Сибирь за причастность к восстанию декабристов, и был безмерно благодарен судьбе за возможность коснуться живого свидетельства, прочесть немногословную записку «оттуда» — из живых будней Александра Сергеевича.

Гонимые той же страстью, вчера и сегодня мы отыскиваем в Молдавии все, что роднит нас и нашу землю с поэтом. Желание сжимает время, и, кажется, рукой подать до скачущего Александра — через лес, напрямик, к высокому холму Долны, к имению Зампира Ралли, к усадьбе легендарного «Земфираки», как произносил его имя Александр Сергеевич. Жив лес, ручей в прохладной тени дубов, ручей, из которого черпал ладонями ключевую воду поэт.

Рядом на крыльце сидит со мной мой близкий друг, лет на двадцать старше. С высокого холма видится далеко. Зеленеет небо, касаясь на горизонте лесов, виноградников, див... Видится далеко и как бы сквозь время. Всего через одно поколение я вижу деда моего друга — писаря Долны Гергия Куницуз — единственного грамотного человека в этих местах, прожившего 103 года, рожденного в одном и том же году с Пушкиным, в памятном 1799-м... Ему-то не знать молодого русского барина? Не его ли искали, дорогого гостя, незаметно исчезнувшего из гостеприимного дома на целых три дня? Не за ним ли гонялся взмыленных лошадей по бессарабским холмам, по лесам до той большой поляны, где сидел он смирно и покуривал с цыганами у костра? Не хотел возвращаться барин, обещал приискать позже. И табор не хотел покинуть — несмотря на уговоры старейшин. Сидел рядом с той большеглазой с медным матовым лицом, что говорила ему непонятные слова, и он в ответ говорил непонятные ей речи — и было им хорошо, и время текло вспять... До глубокой ночи не остывала земля бессарабская от зноя, большие звезды висели над ней мерцающими гроздьями. Из плоских чаш, пригубив пахнущее травами зелье, они молча пересекали рубеж вечности, войдя в страницы ненаписанной поэмы. Утром, когда Александр проснулся, табора не было. Проснулся один.

...Неподалеку от нас молча прогуливался невысокого роста худощавый человек — архитектор Роберт Курц. Вместе с крестьянами села он мастерил ограду, опоясывающую небольшую площадку на гребне холма, где высилась средь вековых деревьев усадьба Замфира Ралли, поднятая из руин. Руками этих крестьян и архитектора Курца плелась живая нить Пушкинианы, нить вечного родства, уходящая вдаль к другим людям и другим векам.

В одной из комнат я нашел на стенде трехтомное издание поэзии Пушкина на молдавском языке. Почти двадцать лет прошло с того дня, когда я решился переводить его лирику. Страх, робость...— я не могу и сейчас определить того чувства, что долго не пускало к белому листу. Неделями ходил вокруг стола с нетронутым листом бумаги. И когда однажды все-таки сел — было ощущение, что записываю чужие глаголы, чужие слова, залегшие в память, как мед в соты. Рожденные Пушкиным, они собирались в мелодию иной речи, той, с которой я пришел на белый свет. В нашем языке формула «родная речь» выражена прилагательным «материнская», «лимба матерна». Я думаю, что и для Пушкина русская речь была во многом материнской. Материнской-кормилицей, нежно любимой и яростно защищаемой. В его крови не переставали гудеть раскаленные ветры аравийской пустыни, убаюканные в зеленой колыбели славянских лугов. Этот генетический сплав родил в нем особую чувственность, уникальный поэтический слух. Им он постиг и мою родину, написав Баратынскому: «Сия пустынная страна священна для души поэта...».

В Молдавии его любили и баловали нежностью особого рода. Он был одним из немногих, если не единственный из приезжих, для кого открылись все двери. Двери домов друзей и однолеток, иконописной Пульхерицы и томной Калипсо, домов членов верховного совета Крупянского и Варфоломея, Ралли, Кантакузино, Стурза, Катаржи. И после шумных споров, после несметных мазурок, экосезов и кадрилей — старый сад писателя Стамати. Изгнанника любили и восхищались им. На голубом небе вспыхивали иногда и молнии, но мгновенные и легкие.

Патриархальный Кишинев не походил на Санкт-Петербург. Ни того величия, ни богатства. Но было здесь другое — намного более существенное. Был дух свободолюбия и высокой образованности среди российского офицерства. Там, на далеком юге, генерал-майор М. Ф. Орлов, покрывший себя славой на поле брани, открывал ланкастерские школы для солдат, изгонял телесные наказания из армейского обихода и, наконец, возглавил бессарабскую ячейку «Союза благоденствия». Двадцатидвухлетний изгнанник был ему дорог. И чувства были взаимны. Рядом с ним — майор Раевский, генерал Пущин, Алексеев, Вельтман, Горчаков, полковник Орлов Федор Федорович, брат генерала Орлова. Был добр к нему генерал Инзов, наместник Бессарабский. Стыдясь надзора, предписанного столицей, он разрешил Пушкину пересечь юг России через Крым до самого Кавказа. Делил с ним стол и добрые беседы.

Удивителен был тот житейский климат и неповторим. Но было еще одно — важнейшее для Пушкина-поэта: дыхание молдавского фольклора.

Владимир Петрович Горчаков, ближайший друг по бессарабскому изгнанию, описывает поведение Александра Сергеевича на одном из вечеров у Варфоломея: «В тот вечер Пушкина занимала известная молдавская песня «Тю юбеску питимасура», и еще с большим вниманием прислушивался он к другой песне — «Ардема — фриде—ма»,— с которою, уже в то время, он породнил нас своим дивным подражанием, составив из нее известную песню в поэме «Цыганы», именно: «Жги меня, режь меня...». Его заняла и Мититика (молдавский танец, сопровождаемый большей частью пением.— **В. Г.**), но в особенности он обратил внимание на танец, так называемый Сербешти...».

Вскоре стали передавать из рук в руки «Черную шаль». Она дошла до Петербурга задолго до возвращения туда поэта. И это стихотворение скрепляет кровное родство Пушкина с нашим фольклором.

В горький час изгнания Молдавия преподнесла Александру Сергеевичу Пушкину вместе с вином и хлебом все лучшее, что веками собирал безымянный гений народа: собственную душу. Он принял ее благодарно вместе с балладами и сказаниями, записанными на лоскутах бумажных у обочин дорог, на постоялых дворах, в седле коня. Кишиневский период приближался к концу — все меньше оставалось времени до барьера у Черной речки. Кто знает, что могло возникнуть из этих беглых заметок, если бы время позволило Великому Мастеру обратить их в огненную плазму своих творений.

Средь шумных балов, проказ и шуток, средь полуночных споров до хрипоты и тайных дуэлянтских поединках, из коих три первые кончились эпиграммой, а четвертый смертью его».

Пушкин никогда не стрелял первый. Дантес, не дойдя до барьера один шаг, произвел выстрел. Это было убийство. Конечная точка невидимого заговора Петербурга, воздухом которого Пушкин не мог более дышать.

Данзас, лицейский друг, случайно встреченный на улице за несколько часов до поединка, будет с ним до конца, до последнего вздоха.

Через тридцать лет, возвращаясь из Сибири, в Нижнем Новгороде Пущин увидит простреленный сюртук сокурсника в доме Даля. Он возвращался один. Кюхля, Кюхельбекер десять лет как помер на краю света. Вернее, он умирал все последние годы, двигаясь по сибирской орбите все дальше и дальше: Баргузин, Акша, Курган, Тобольск. Его настигнет в пути бессарабская «Черная шаль», как птица из другой галактики. Ее споют Кюхле, но она с трудом проберется через онемевшие клетки тела к тайникам сознания угасавшего Вильгельма Кюхельбекера. Иван Пущин вернется через двадцать лет после дуэли. Он напишет воспоминания о лицейском друге, исполнит до конца свой последний долг братства. Напишет светло и просто. Поставив точку, уйдет и он.

Последним останется в живых Константин Карлович Данзас. Еще тридцать три года его будет мучить мысль о том, что он был плохим другом, плохим секундантом, не сумевшим предотвратить ни дуэли, ни вероломности Дантеса...

Неуемна наша страсть в желании воскресить былое, прорваться вспять сквозь время. Скорее всего поэтому я и оказался несколько лет тому назад на берегу Черной речки. В совершеннейшей немоте стояла поздняя осень, и на голых ветках сидели вороны. Из моих скудных познаний в зоологии пронзительно отделилась мысль: эти птицы живут 200 лет, не так ли?..

Столетние свидетели убийства.
Последние... Вы знаете! Вы видели!
Бессмысленны теперь и мщенье, и плач,
И разум бытия сомнителен.
И не поднимется карающая длань,
свершая суд свой поздно или рано,
Так убивают на охоте лань,
Нарушив святость схватки равной.
У Черной речки вороны, как планты,
Отяжелевшие от памяти, молчали
И в тишине кружились, как планиды,
Обугленные от печали.
Над временем моим, над головою,
Еще живые...

(Перевод А. ТКАЧЕНКО).

В обманчивой тишине уходил восемнадцатый век, уступая место девятнадцатому — веку содрогающих войн и революций. На зыбком рубеже двух столетий родился Александр Сергеевич Пушкин под знаком вольнодумства. Он откроет в девятнадцатом веке скорбный счет, станет первым русским интеллигентом, по которому ударило самодержавие.

Менее чем за три года изгнания в Молдавии он написал тысячи великих строк, в том числе одно из главных стихотворений своей жизни «К Овидию». Здесь написаны «Цыганы» и «Гавриилиада», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», сожженная впоследствии поэма «Разбойники», дошедшая до нас в отрывках... Здесь был начат «Евгений Онегин». Он работал с ожесточением, осознавая краткость своего пребывания на земле.

Через тринадцать лет после смерти Пушкина взойдет на орбиту века поэт Михаил Эминеску, присягая священному делу словесности. Корни его поэтического гения уходят глубоко в фольклор, в тот же фольклор, с которым сроднился Пушкин. Эминеску также окажется на берегу Черного моря, около Одессы, больным и рано постаревшим в свои тридцать семь лет. Я вижу их там, на берегу Понта Евксинского, всех троих: Овидия, Пушкина, Эминеску... Как схожи судьбы поэтов! И нет совпадений — есть, увы, всего лишь закономерности...

Последние два года, снимая фильм об Эминеску, я не только думал про это, но испытывал постоянное чувство вины. Вины за то, что я живу дольше их, вины за повторение жестокости во все века по отношению к поэту, за то, что человечество так медленно созревает в нежности к своим певцам, что, как правило, не успевает воздать им при жизни, перепоручая это потомкам свершить с запозданием.

Для Пушкина мы не сумеем больше ничего сделать. Все, что предстоит сделать, произносится его имя,— это для нас. И памятники, и цветы, и песни. Для него же надо одно — снять ложный блеск с юбилейных речей, сдуть хрестоматийную пыль с его портретов. Идти к нему живому и реальному!

● *А. БЕЛЯНЧЕВ. «Наставник-папа», «Девушка с нарциссами».*

Фестиваль политической песни

Музыкальные коллективы из всех районов Прибайкалья приглашает фестиваль политической песни, начавшийся в городе комсомольской славы. В смотре принимают участие хоровые и вокальные ансамбли, самодеятельные авторы и исполнители. Они познакомят жителей таежного края с богатым наследием отечественной музыкальной и поэтической культуры, новыми произведениями о Родине и молодежи. Участники фестиваля выступят в трудовых коллективах и учебных заведениях, на сценах клубов, домов и дворцов культуры. Пройдут концерты-диалоги, дискуссии, будут работать творческие мастерские.

(ТАСС).

БРАТСК, Иркутская область.

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

От имени и по поручению...

Нет, подобного, право же, не припомнишь за долгую жизнь в редакции. Удивительное дело! В короткий срок — рекордное количество писем. И все — на одну тему, точнее, по одному поводу, связанному с именем Аллы Пугачевой. Пишут из самых разных точек страны, в том числе из дальних, куда, казалось бы, не так уж «исправно» докатываются столичные события и сплетни о них. А «осведомленность» читателей — поражающая. «Достоверные факты», которыми они располагают, естественно, — со слов «свидетелей».

«Очевидцы» — в них на любой случай жизни недостатка нет: всегда находится какой-нибудь двоюродный брат жены брата, или соседка внучатой племянницы, или другие «родственники», которые собственными глазами видели и «собственными ушами слышали. Ужас, какая масса свидетелей! Тьма тьмущая! И сколько очевидцев, столько и версий, каждая из которых самая достоверная, самая точная, неоспоримая, а значит, не терпящая никаких обсуждений и споров. Всяк, кто позволяет себе думать и оценивать ситуацию по-иному,— «отступник», «слепец», «враг», «верхоглядь», «противник перестройки и гласности», «идейный диверсант» (вся терминология из писем!).

Ух, чего только не найдешь в этой почте! Страстные почитатели и непримиримые ниспровергатели творчества Аллы Пугачевой, словно в кулачном бою, стена на стену «дут друг против друга — кто «за» и кто «против»; взрыв нежности, благодарности за талант и взрыв ненависти, негодования. По правде сказать, «пугачевский бум» уже навяз в зубах — слишком большая шумиха развернулась. Ну поговорили, поспорили, высказались, а письма продолжают поступать в редакцию. Не берусь точно сказать, каких среди них больше—хвалебных или ругательных. По первому впечатлению приблизительно равное количество тех и других. И, наверное, это дело социологов, изучающих слушательские вкусы, вычислять в процентах, чему отдается предпочтение. Могу лишь констатировать, что у высказывающих положительную точку зрения много добра, теплоты, уважения, заботы, даже когда они критикуют артистку за ошибки, срывы. Зато «противники» не знают меры грубости, злобы, жестокости.

Однако не в поисках истины — кто прав, кто ошибается — перебираю я почту с пометками «О Пугачевой». Интересует и волнует, что и как пишут в газету, тон, манера высказываний. Именно критические письма приковывают внимание прежде всего абсолютной безапелляционностью суждений. И очень быстро распознаешь в них один испытанный прием: для весомости, для пущей важности излагать свое мнение «от имени народа»—«все так думают...», дальше ссылки на семью, на друзей, знакомых, на коллектив сотрудников. «Все у нас на работе так считают» (Л. Петров, Киев); «Все приличные люди придерживаются такой же точки зрения» (О. Самсонова, Саратов); «Это мнение большинства»,— заявляет В. Маяковский (Душанбе); «Народ возмущен!» — патетически возглашает А. Заверкапов (Душанбе). Значит, не спорьте, не перечьте гласу народному. Такая методика! Право же, от нее попахивает временами, когда целыми коллективами клеймили заблудших, с легкостью приклеивали несмываемым ярлыки «врагов народа». И ни-ни оспаривать!

Ворошишь эти сотни и сотни посланий, и становится просто не по себе: откуда такая желчность, озлобленность? Ни возраст, ни профессия не останавливают авторов. Вот письмо из Риги М. Пойчию. Ей 61 год. Она «болеет» за судьбы подрастающих поколений, за чистоту их нравов, призывает к борьбе с грубостью, с «хулиганскими поступками». Но выражения при этом такие, что газетная полоса их выдержать просто не может. Не решаюсь процитировать здесь и ее «единомышленников» — А. Авакумову из Жуковского, иркутянина Д. Павловского, жителя Тольятти В. Панасенко (между прочим, ветерана педагогического труда, как он сообщил в редакцию), ленинградца И. Григоренко. Не решаюсь, хотя намерения у всех этих авторов, казалось бы, самые благородные — ограждение народа, особенно молодежи, от дурных влияний.

Пока знакомишься с письмами, о воспитанности, деликатности вспоминаешь много раз. Я уж не говорю, что единственная форма критики тех, кто не приемлет А. Пугачеву,— императив: «покончить», «изгнать», «выкорчевать», «разделаться», «лишить звания», «выслать из страны». Вполне допускаю горячность, запальчивость в споре, однако всему есть мера, предел. Когда на голову популярнейшей певицы сыплется поток оскорбительнейших обвинений, базирующихся на сплетнях и слухах, становится больно.

Я много раз пыталась понять, почему скандальная «хроника» почти всегда окружает имена популярнейших артистов. Повышенное внимание к ним людей, к их жизни, к их быту? Безусловно. Очень удачно иллюстрирует эту мысль ленинградка Г. Максимова, приведя короткий рассказ Аркадия Райкина: «Иду мимо загса, говорят — Райкин жениться собрался; еду на такси, говорят — Райкин загулял; еду на троллейбусе — говорят, Райкин пропился, нет денег на такси». Да, за каждым шагом следят, словно жизнь их проходит под стеклянным колпаком.

Справедливости ради признаемся, что по части слухов, бывает, и наша журналистская братия подливает масла в огонь. Совсем недавно мне попало в руки интервью Аллы Пугачевой, опубликованное во время ее гастролей в Сочи (после «ленинградских событий») в местной газете. Большая доля в материале отведена (очевидно, «для изюминки») обсуждению личной жизни Аллы Борисовны. Мол, читатели интересуются, объясняет автор. И в самом деле интересуются — в одном из откликов, поступивших в нашу редакцию, прозвучали несколько неожиданные рассуждения В. Ваганова (Астрилово, Пермская область): «Много было статей. В каждой ничего не сказано о семейной жизни Пугачевой. Можно сделать вывод, что она не имеет мужа, и, значит, уже человек не вполне «доброкачественный».

А сколько раз я сама убеждалась, с каким любопытством относятся люди к этой «проблеме». Стоит лишь замкнуться, что ты лично знаешь кого-то из «знаменитостей» — и тут же посыплется множество вопросов. Нет, не о творчестве, не об отношении к профессии, к искусству, не о художнических позициях, планах, а проверка сплетен, гуляющих по свету.

Даже по письмам, завалившим сейчас мой стол, легко убедиться, сколь быстро пополняется «фольклор» легендами, сложенными безвестными авторами. «У нас в городе говорят, что Пугачеву на пять лет лишили выступлений в стране и за рубежом» (Г. Калачев, Горький), Д. Гонт из Барнаула располагает другими сведениями—«лишили звания, приписали к Магаданской филармонии, но на два года запретили появляться на эстраде». А одной читательнице привиделось совсем оригинальное наказание — «ссылка в самодеятельность» (Т. Хоркина, Волжский).

И с каким злорадством, глумлением над личностью певицы признанной, известной, широко популярной, и не только в своей стране, сообщаются все «новости о ней; выдергаются обвинения в том, что она лишена чувства гражданственности, любви к Родине. «Копейку пожалеет для другого, а уж в Фонд мира, как другие артисты, и грош ломаный не заставить отдать!» — безапелляционно заявляет С. Успенская (Куйбышев).

Буквально все подхватывается и пускается в ход любителями «светских сплетен», широко пользующимися информацией «говорят, что...». А ведь на этом, да еще в «подтверждение» — стиль, манера исполнения, внешний облик-маска, далеко не всем приходящиеся по душе, базируется отношение к артистке.

Кстати, напомню читательнице С. Успенской, что именно Пугачевой, единственной из эстрадных певцов, была вручена медаль за участие в борьбе за мир. Без всяких уговоров и просьб она давала концерты в Фонд мира, в пользу Чернобыля. А что человек она отзывчивый и добрый, можно судить даже по одному эпизоду. (Узнала я о нем не от самой певицы).

Это было во время гастролей Пугачевой в Донецке. Она заметила среди публики слепого мужчину. Оказалось, шахтер, потерявший зрение во время аварии. Познакомилась с ним, уговорила поехать его вместе с дочкой в Москву. Оплатила проезд туда и обратно, поила, кормила, добилась приема у чудодея, волшебника-хирурга С. Федорова, который прооперировал ее «подопечного». Так, совершенно бескорыстно она приняла участие в судьбе человека, помогла ему вновь увидеть свет и вернуться к полноценной, трудовой жизни. Мне думается, это поступок высокой, благородной пробы! Только не знаю, поймет ли он этих «борцов» за «этику и эстетику советских людей»,— ведь в пылу сражений они, по-моему, напрочь утратили ориентиры этики и эстетики, в истинном понимании этих слов.

Много нового, «увлекательного» узнала я и о себе после публикации статьи «Восхождение к... скандалу!», связанной с именем А. Пугачевой. И в «подругах» ее, в «приятельницах», в «единомышленницах» записали меня Л. Воронова (Трускавец) и В. Иванова (Киев); и «адвокатом» артистки назвал В. Синельников (Липецк); к «бесчестным журналистам, работающим за двойной гонорар — от редакции и от «звезды», причислил В. Ярмолинский, подкрепив свои слова тем, что «такие слухи ходят»; в подхалимаже обвинили инженеры Некрошевич; о «нечистой игре» пишет В. Родионов (Харьков), потому как якобы начала меня Пугачева, чтобы возносить ей хвалу. С. Голубева (Луга) назвала материал «грязным, квартирным», а ленинградка В. Алексеева, зайдясь во гневе, заодно и «Советскую культуру» не постеснялась обозвать «грязной газетенкой». Но самое страшное преступление инкриминировано мне Л. Жуковой (Иркутск): «Написала бы Игнатьева, сколько валюты отвалила ей Пугачева за статью!..»

Хватит! Предостаточно! Пора подумать об ответственности за произнесенное или написанное слово, перестать лить грязь, размножая сплетни— «кто-то слышал», «кто-то передал», «кто-то предположил», «кому-то показалось». Запросто бросаться словами, не думая о том, что слово способно ранить.

Правда, в данном случае поток обвинений, подозрений, упреков демагогически прикрыт благороднейшими призывами к борьбе с «безыдейностью», «с чуждыми идеологическими влияниями», «с пагубными привычками и пороками». Направлен против тех, кто «не способен на принципиальную партийную критику» (Г. Эндзелин), «кто лишен чувства гражданственности, патриотизма, пренебрегает нашими порядками и правилами общежития» (В. Никулин, Москва), «кто принижает значение объявленной партией гласности» (В. Карачан, Одесса). Л. Бачинкова (Белгород) строго предупреждает: «Если газета не откликнется на мое письмо, я перешлю второй экземпляр в другое место с указанием, что вы зажимаете гласность», а ленинградец М. Саваин даже указывает точный адрес зажимщика: «Хотите посмотреть на противника перестройки? Живьем, с фамилией? Это — Игнатьева!»,— пишет он.

Надежно! И на первый взгляд весьма современно, по-сегодняшнему: перестройка, гласность. Но ведь ясное ясного, что демократическая атмосфера гласности, открытости суждений, право каждого высказать и доказать свою точку зрения отнюдь не должны порождать скандальность, враждебность, непризнь, стимулировать, увы, нежизнную привычку давних времен — разоблачать, выводить на чистую воду.

Нет, перестройка прежде всего предполагает перестройку человеческого сознания, уважительное, честное взаимоотношение между людьми. Даже в спорах, когда сталкиваются противоположные точки зрения. Не уличения и обличения оппонента, не брань, а аргументированные доказательства правомерности своей позиции. Ведь именно здесь проявляется истинная культура — в умении прислушаться к чужому мнению, понять, разобраться в его сути, пусть даже не согласившись с «противником». В том истинная культура, в которой, сказать честно, обнаружила я серьезный дефицит.

◇

Обширная почта, оживленная переписка с читателями — всегда актив газеты. На сей раз обилие писем лишило возможности ответить и поблагодарить каждого читателя персонально. Эту функцию выполняет данный обзор. Что же касается судьбы А. Пугачевой, интересующей многих, после участия в фестивале советского искусства в Индии она покажет готовящуюся новую программу советским зрителям, порадует тех, кому дорого ее искусство и, боюсь, вызовет еще одну волну недовольства и злобы у своих противников. Потому что, как она сказала в недавнем интервью по московскому телевидению, какая она есть в творчестве, такой будет и другой стать просто не сможет.

М. ИГНАТЬЕВА.

70 ЛЕТ ДОВЕРИЯ И ДОБРОСОСЕДСТВА

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

— Наиболее актуальная из них — переломный период в нашей экономике. Техника вчерашнего дня не находит достаточного спроса ни в самой стране, ни на внешнем рынке. Но для эффективной работы предприятий нужна не только рационализация, не только обновление. Нужны люди высокой квалификации, способные управлять компьютерами, современными роботами. Общество обязано внести свой вклад в обучение и переподготовку, расширить возможности для своих граждан.

Думаю, так оно и будет, поскольку гибкость нашего общества сегодня — одна из характерных его черт.

— На протяжении многих лет Финляндия с ее большим международным авторитетом выступала с целым рядом мирных инициатив. Выражение «дух Хельсинки» стало крылатым, обозначает сотрудничество и разрядку. Что бы вы могли сказать о внешней политике вашей страны сегодня?

— Общеизвестно, что Финляндия представляет нейтральную страну. Мы хотим поддерживать хорошие отношения со всеми странами мира.

Наш принцип — открытость и доступность для всех. Такая политика нам представляется конструктивной, она помогает поддерживать продуктивный диалог, в котором нуждается современный беспокойный мир. Она содействует созданию условий для международного сотрудничества. С момента вступления Финляндии в ООН (1955 г.) наша страна выступает за концепцию коллективной безопасности. Мы вносим свою лепту в конкретные действия ООН по сохранению мира, разрешению региональных конфликтов (в частности, на Ближнем Востоке, на Кипре и т. п.).

В данный момент Финляндия выставила свою кандидатуру на избрание в члены Совета Безопасности на ближайшие 2 года.

— В мире высоко ценятся усилия Финляндии, предпринятые на европейском континенте. Пожалуйста, несколько слов об этом.

— Уже в конце 60-х годов мы поняли, что Европу следует рассматривать в ее целостности. Мы, финны, видели, что и на Востоке, и на Западе нашего континента как у стран Варшавского Договора, так и у стран НАТО существовали идеи, которые могли оказаться позитивными в общеевропейском плане. Именно на этой концепции мы основывали наши инициативы. Свои предложения мы разослали всем государствам, ответственным за безопасность в Европе. И вот начался длинный процесс, включивший два важнейших фактора: безопасность и сотрудничество в Европе. Именно он привел к подписанию в 1975 году Заключительного акта.

— Что бы вы могли сказать об идее безъядерной зоны на Севере Европы и как отнеслась финская общественность к предложениям, выдвинутым М. С. Горбачевым в его речи в Мурманске в октябре этого года?

— Идея безъядерной зоны на европейском Севере была предложена президентом Кекконеном в 60-е годы. Интересы Финляндии и других стран нашего континента состоят в том, чтобы этот регион был спокойным, не подвергался опасности. Главный фактор для этого — его безъядерность.

Речь Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Мурманске нашла у нас самый позитивный отклик. Она включала как пункты, предложенные Финляндией, так и идеи, принадлежавшие вашей стране (исследование природных ресурсов в районе Арктики, совместное изучение этих богатств, охрана окружающей среды региона). Если суммировать наши внешнеполитические устремления за последние почти 50 лет, то они сводятся к следующему: 1) создать новые отношения доверия между Финляндией и Советским Союзом; 2) работать для сохранения мира; 3) развивать и углублять процесс безопасности в Европе (с участием всех европейских государств, а также США и Канады).

— Духовное богатство каждого народа хранит и преумножает его культура. Что вы думаете о культурном обмене между нашими странами?

— Культурные отношения между нами существуют долгие годы и обогащают народы наших двух стран. Отдельным аспектом до недавнего времени считалось наше сотрудничество с СССР в области высшего образования: обмен студентами, преподавателями, специалистами. В Хельсинки активно и плодотворно работает «Институт по изучению Советского Союза», занимающийся вопросами культуры и образования в вашей стране, а также обменами с Советским Союзом.

Во время пребывания в Советском Союзе президента М. Койвисто мы подписали единое соглашение, предлагающее чрезвычайно широкий спектр взаимной деятельности как в области культуры, так и образования, которое продолжит наши традиционные обмены.

— Могли бы вы назвать события культурной жизни, происходящие уже сегодня в рамках нового соглашения?

— На днях в Музее декоративно-прикладного и народного искусства в Москве открылась выставка современного финского стекла. Она уже побывала в Таллине, а дальше будет держать путь на Ленинград.

В марте будущего года известнейший финский виолончелист Арто Норас — лауреат Международного конкурса им. П. И. Чайковского в Москве — выступит с сольными концертами в вашей столице и Ленинграде.

Постоянный плодотворный обмен существует между Большим театром и Национальной оперой Финляндии.

— Но, возможно, появились какие-либо новые идеи, новые формы сотрудничества в области культуры?

— Идеи, можно сказать, рождаются «на местах». В маленьком финском городке Нантали ежегодно проводится летний музыкальный фестиваль. Так вот, родилась идея в рамках этого фестиваля организовать посещение Ленинграда. Советская сторона одобрила наш план. В июне следующего года в Ленинградский порт войдет корабль, на борту которого будут находиться 900 любителей музыки из Финляндии. Они познакомятся с достопримечательностями города на Неве, побывают в Кировском театре.

Руководитель Театра современного балета в Ленинграде Борис Эйфман предполагает поставить вечер балета на музыку финских композиторов. Финская пианистка Лииса Кархило готовит для нашего радио серию передач, знакомящих радиослушателей с музыкой разных республик Советского Союза.

И, наконец, существует идея более широкого международного сотрудничества: весной будущего года в Хельсинки будет исполнена опера американского композитора Гершвина «Порги и Бесс». Солистами выступят певцы из Соединенных Штатов, хор и оркестр — из Финляндии. Дирижировать же оперой будет советский дирижер из Эстонии Эри Клас. Затем «международный экипаж» выступит перед советскими зрителями. Мы гордимся тем, что взяли на себя организацию этого интереснейшего музыкального события.

Итак, работа продолжается, продолжается наша дружба. Перед нами широкая дорога с многосторонним движением. Дух вашей перестройки придает нам еще больше сил и энергии!

— Ваш национальный праздник отмечается накануне крупнейшего события современности: встречи на высшем уровне в Вашингтоне. Что вы думаете по этому поводу?

— Встреча в Вашингтоне между Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым и президентом США Рональдом Рейганом, чрезвычайно значима для всех народов, больших и малых. Как в политическом, так и в психологическом аспекте это событие исторической важности. Ведь впервые речь пойдет о реальном сокращении двух классов ядерных ракет—РСД и РМД.

Мы в Финляндии надеемся, что это только первый шаг, за которым последуют и другие в том же направлении. Мне представляется, что шаг этот знаменует новый этап доверия между двумя великими державами.

Хотелось бы верить, что такой путь приведет к большей безопасности и стабильности в мире при сниженном уровне вооружений. А в этом заинтересованы без исключения все народы земли. Именно поэтому предстоящая встреча вызывает общечеловеческий интерес и вселяет надежду.

Беседу вела
Елизавета ШТАЙГЕР.

В РИТМЕ ПРАЗДНИКА

Дни советской культуры во Вьетнаме

Вчера в Ханое открылись Дни советской культуры. Во вьетнамскую столицу прибыла представительная советская делегация, возглавляемая министром культуры СССР В. Г. Захаровым. В составе делегации — композитор А. Пахмутова и поэт Н. Добронравов, артисты В. Лановой, Д. Банионис, писатели А. Алексин, В. Быков, Ю. Суровцев, многие другие известные литераторы и музыканты, художники и архитекторы, деятели кинематографии.

Интерес к культуре Страны Советов во Вьетнаме традиционно высок — ведь именно три десятилетия назад Советский Союз стал первой страной, подписавшей с Вьетнамом соглашение о сотрудничестве в этой области. За это время опыт СССР оказал весьма значительное влияние на ход культурного строительства в республике, в советских вузах для Вьетнама был подготовлен многочисленный отряд работников культуры и искусства, большая помощь оказывается Советским Союзом и в укреплении материальной базы вьетнамской культуры. Содействие СССР сыграло решающую роль в становлении и формировании национальной кинематографии и балета во Вьетнаме.

Регулярный обмен творческими коллективами и выставками, сотрудничество в области книгоиздания и контакты творческих союзов — таковы сегодня формы взаимодействия в сфере культуры между Советским Союзом и Вьетнамом. Дни культуры СССР призваны придать двустороннему сотрудничеству в этой области дополнительную динамику, способствовать поиску путей его расширения и углубления. Ведь за пятилетие, прошедшее со времени проведения предыдущих Дней советской культуры в СРВ, в общественной жизни двух стран произошли огромные сдвиги и изменения.

Опыт совершенствования работы творческих союзов СССР в условиях процесса демократизации и расширения гласности вызывает огромный интерес у вьетнамских деятелей культуры: по их мнению, знакомство с практикой перестройки, проводимой советскими коллегами, может стать важным фактором поступательного развития процесса обновления и во Вьетнаме. Именно поэтому программа Дней советской культуры в СРВ предусматривает многочисленные встречи советских гостей в творческих союзах республики.

Центральными событиями Дней культуры СССР, безусловно, станут многочисленные концерты мастеров искусств Страны Советов, которые пройдут в Ханое и Хошимине, в ряде других городов и провинций страны. Перед зрителями выступят И. Кобзон, артисты Московского государственного театра балета СССР, группа иллюзионистов под руководством В. Данилина, ансамбль народного танца из Северной Осетии «Алан». Особый интерес у вьетнамских любителей классической музыки вызывают предстоящие выступления камерного ансамбля «Концертино», в которых примет участие известный вьетнамский пианист Донг Тхай Шон. В рамках Дней культуры проходит также Неделя советских фильмов, выставки живописи и графики советских художников и произведений изобразительного и прикладного искусства Прибалтики. Персональную экспозицию узбекского живописца Рузы Чарыева представляет Союз художников СССР, а книжную выставку — Госкомиздат СССР. Все они посвящены 70-летию Октябрьской революции и призваны через все многообразие жанров и путей творческого поиска продемонстрировать созидательный дух и высокие нравственные идеалы социализма. Ряд представленных работ советских художников посвящен братскому Вьетнаму.

Вчера утром в ханойском Дворце культуры профсоюзов состоялась пресс-конференция министра культуры СССР В. Г. Захарова. Он подчеркнул, что нынешние Дни советской культуры посвящаются юбилею Великого Октября.

Во всестороннем советско-вьетнамском сотрудничестве взаимодействие в области культуры занимает важное место. За последние годы активизировался культурный обмен между двумя странами, накоплен немалый опыт сотрудничества в деле подготовки национальных кадров в сфере культуры. Говоря о перспективах взаимодействия СССР и СРВ в этой области, В. Г. Захаров выделил дальнейшее развитие непосредственного сотрудничества учреждений культуры и творческих союзов, прямых контактов деятелей литературы и искусства двух стран.

Советская сторона стремилась представить на суд вьетнамской общественности самые разнообразные произведения различных жанров советского многонационального искусства. Подробно остановившись на программе Дней советской культуры во Вьетнаме, В. Г. Захаров подчеркнул, что посланцы советской культуры проведут многочисленные встречи в трудовых коллективах, в учебных заведениях, а также со своими коллегами по творческому труду. В заключение пресс-конференции глава советской делегации выразил уверенность, что нынешние Дни культуры СССР в СРВ станут еще одним убедительным свидетельством единства двух стран в борьбе за мир и социальный прогресс, дадут новый импульс дальнейшему развитию всестороннего сотрудничества между нашими странами и народами.

Вечером того же дня в столичном Дворце культуры профсоюзов большим гала-концертом открылись Дни культуры СССР. А концерт-закрытие состоится в крупнейшем экономическом и культурном центре юга СРВ — городе Хошимине 12 декабря. В официальную программу Дней входит также подписание протокола о культурном сотрудничестве.

С. БЛАГОВ.
(Корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»).

ХАНОЙ.

ДОРОГА С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ

Американский репортаж

Я жил в Вашингтоне в районе Джорджтауна — тихом и разморенном днем, но к вечеру наполняющемся гулом голосов, пением саксофонов и гитар вперемешку с барабанной дробью: это район знаменитого университета, студенческой вольницы, артистической богемы. Мне нравилось бродить по его улочкам именно днем — зеленым, с изумительными цветниками у домов, с подвешенными к балконам, а то и просто к фасадам вазонами опять же с роскошными по-южному цветами. Аккуратные домики в один или два этажа, сложенные из красно-бурого узкого и продолговатого кирпича, построенные в викторианском стиле, навевали мысль о патриархальности быта, устоявшихся привычках и традициях.

Однако я был очень удивлен, когда узнал, что «патриархальная старина» в Джорджтауне — самое что ни на есть современное строительство. В последнее время этот район стал очень модным, престижным, реконструированы целые кварталы, но все это подчинено одной идее — сохранить общий стиль, аромат прошлого.

Качество строительства в Америке на исключительной высоте. Я имею в виду, конечно, не одну лишь высоту нью-йоркских или лос-анджелесских небоскребов. Многим они не нравится, будто они давят, принижают человека — говорят это сами американцы, но нельзя не подивиться техническому гению строителя, когда, запрокинув голову, пытаешься сосчитать этажи, упирающиеся в небо.

Но большее любопытство вызвало у меня другое — в Аннаполисе, пригородах Сан-Франциско, районе Голливуда я видел, как строят дома в один, два и даже три этажа. Естественно, проследить за тем, как от фундамента до крыши вырастает хотя бы один дом, не удалось. Однако целую картину составить довольно просто. Наиболее забавно, пожалуй, смотреть на скелет дома — да-да, именно на скелет. Издали он вообще кажется сложенным из спичек, вблизи видишь, что это под разными углами пригнанные деревянные бруски шириной не свыше пяти на пять сантиметров. А поверх них прилаживается совсем тонкая фанера. Потом она чудесным образом при помощи заводских панелей, толщиной тоже не свыше двух-трех сантиметров, превращается то в кирпичную кладку, то в пупырчатую цементную стену, то в тяжелый массив, имитирующий натуральный камень.

Благодатный климат — никакого тебе промерзания, зимних вьюг, трескучих морозов. Лишь одно — с каждым годом стоимость жилищ все возрастает. В Вашингтоне я как-то пролистал бюллетень с картинками продающихся домов и ценами на них. Самый дешевый стоил 150 тысяч долларов, самый дорогой — 970. Тысяч, конечно.

И в этих самых краях сердце сжимается от жалости, когда видишь своими глазами то, о чем много читал, знал, слышал. Но одно дело знать, другое — видеть своими глазами. В Сан-Франциско от театра до гостиницы был путь минут в десять. Это центр города. В двух шагах величественный купол мэрии, здесь же главная торговая улица — Маркет-стрит. Не было ни одной ниши в доме, ни одних ступенек, где бы, завернувшись в одеяло или какое-то тряпье, не спал бездомный. Мужчины, женщины, подростки. Днем они с тележками, украденными из универмагов и супермаркетов (кажется, на это все закрывают глаза), с нехитрым скарбом (все свое ношу с собой) медленно передвигаются по городу и, не стесняясь постороннего взора, роются в мусорных баках.

Каждый день на Маркет-стрит я видел остроскулую пожилую женщину, безучастно сидящую на бордюрном камне. На ногах у нее были надеты бумажные магазинные мешки, перевязанные у щиколоток веревками, на плечах разодранная куртка с воротником из искусственного меха. Палило солнце, но она будто не замечала этого. Тяжело взглянуть в глаза такому человеку, которому ты ничем не можешь помочь. Но она не ловила ничьего сочувствия — безучастно смотрела вдаль и в никуда и безмолвно кивала головой — не звякавшей монетке, а чему-то своему, неотступному, давящему, разлучившему ее с миром.

Я вдруг с невероятной остротой вспомнил рассказы своей собственной бабушки, которая в войну ушла от немцев из своей деревни и мыкалась по людям, побиралась, просила подаяние. Она рассказывала это часто и каждый раз плакала. «Я ж робила на людей, не даровой кусок ела». Что-то произошло с ней в результате всего этого. Она прожила до восьмидесяти шести лет, но «ела, когда уже был достаток, совсем мало». А под подушкой, подобно джеклондоновскому герою, припрятывала, стыдясь этого, корочку хлеба, но ничего не могла с собой поделать.

Я сам помню послевоенных нищих в трамваях, электричках, инвалидов на дощатых тележках с подшипниковым ходом. Так то ж война и ее долгое эхо.

А вспомнилось все это в богатой, ломящейся от товаров и колбас Америке. Пусть специалисты называют цифры голодных и безработных в Америке, мне достаточно одного лица той женщины, что я увидел в Сан-Франциско, а сколько я еще видел таких лиц и во Фриско, и в Нью-Йорке, и в Лос-Анджелесе.

Я понимаю, что это боль и беда Америки, ее незаживающая язва, но откуда же такая уверенность в своем праве заниматься решением чужих проблем, особенно в том, что касается прав человека. На протяжении двух месяцев я видел не одну антисоветскую демонстрацию — во время гастролей Большого театра, как по часам, перед началом спектаклей появлялись группки людей с плакатами, требующими «свободы выезда из СССР». В Лос-Анджелесе, у служебного входа в театр мы остановили демонстранта с картонкой в руке «Свободу советским евреям!» и спросили, не хочет ли он познакомиться с советским евреем, музыкантом оркестра Большого театра, и узнать, в чем он несвободен. Надо сказать, американец, которому вручили для марша этот плакатик, был просто сражен. Он был потрясен, что такое возможно — советский еврей стоит на улице Лос-Анджелеса, ибо был свято уверен, что все они или сидят в тюрьме, или стоят в очереди за получением иноземной визы. Я не преувеличиваю его изумление — было достаточно свидетелей этого разговора.

Разошлись мы вполне мирно, по-доброму. Кстати, очень привлекательная черта у обыкновенных американцев — мне кажется, они умеют выслушать мнение собеседника, согласиться с ним, если вы их убедили, они благожелательны и в общем-то склонны разобраться в сути вопроса. «Они» — это, конечно, слишком обобщающе сформулировано, но, сказать по правде, я не встретил ни одного человека, кто бы проявил открытую враждебность. Хотя в том, что такие люди есть, сомневаться не приходится.

У тассовского коллеги в Сан-Франциско мы ели замечательный украинский борщ, приготовленный его супругой, необыкновенные домашние пирожки, выпеченные ею же, и смотрели вполглаза в телевизор, то и дело дистанционной машинкой переключая программы. И вдруг появилась одесская лестница, знаменитая эйзенштейновская лестница из «Броненосца «Потемкин». Не скрою, что-то дрогнуло внутри — приятно было, что фильм, поставленный зарубежной гильдией критиков на первое место в десятке лучших картин всех времен и народов, идет на американском экране. Но вдруг на черно-белом изображении появилась какая-то немыслимо яркая фигура с фотоаппаратом в руке, за ней — целая толпа туристов с видеокамерами. Они бесцеремонно щелкали затворами, сновали взад-вперед, кто-то поднял оброненную сумочку, кто-то заглядывал в лицо упавшему. Технически это было сделано бесподобно. Они ступали по лестнице, они увертывались от бежавших, один даже поднял со ступенек выпавшее из кулька яблоко, а когда мимо скакала по ступеням детская колясочка, успел положить его туда — уже не черно-белое, а багрово-красное,— и коляска с яблоком покатилась дальше. Детская коляска — один из пронзительных кинематографических образов — была использована для глумления. Над чем? Да надо всем — над искусством, над нашей революцией, нашей историей. Потрясающая техника использована для низменной, грязной цели.

Бывает, и техника никакая не нужна. Вот, к примеру, некто Лайл Финстервальд рассказал на страницах журнала «Сан», как в горах Орегона, на берегу озера Паулин, где он отдыхал в палатке от сумбурной городской жизни, он услышал ночью голоса за пологом, а выглянув, увидел нескольких огромных — ростом под два метра — людей, покрытых шерстью. Это б ладно, но «йети» говорили по-русски, что точно установил Лайл, так как в колледже изучал этот язык. «Снежные люди», заметив туриста, мгновенно исчезли. А тот сокрушается, наверное, до сих пор, ибо его рассказу никто не верит.

«Рассказ Лайла,— комментирует журнал,— должен, по нашему мнению, вызвать интерес у сотрудников Федерального бюро расследований, которые занимаются вопросом проникновения советских агентов на территорию нашей страны. Если же Лайл прав и мифические «снежные люди» действительно говорили по-русски, то этому сегодня есть лишь одно объяснение: в Америку начали проникать советские диверсанты, которые на этот раз решили надеть на себя обезьяньи шкуры, чтобы ввести в заблуждение доверчивых жителей нашей страны».

Вот так — мотайте на ус.

Между прочим, в Сан-Франциско я познакомился с натуральным сотрудником ФБР, крепким, спортивным, уверенным в себе специальным агентом службы наблюдения, как значилось в его визитке, Джоном Д. Райнесом. В течение недели мы встречались почти ежедневно, он вел наблюдение за кулисами театра, где выступали советские артисты. Опасался какого-нибудь террористического акта — бомбы или гранаты, естественно, американских. Интересовался, какая у меня газета, как я передаю в нее материалы, потом даже сказал, что ему перевели одну корреспонденцию, которая висела на стенде между американскими рецензиями,— между прочим, под названием «А бомба все-таки взорвалась!». Наверное, по профессиональной привычке проверял, не агент ли я тоже. А в общем мы симпатично говорили, и он признался, что русские ему очень понравились. Чем больше люди будут общаться, сказал он, тем меньше они будут не доверять друг другу. От агента ФБР приятно слышать такое, мы расстались почти что приятелями, на прощальном приеме он познакомил меня со своей женой, мы даже с ней изобразили какой-то неведомый мне танец, а сам Джон танцевал с русской балериной.

В том же Сан-Франциско у меня состоялось еще одно знакомство — совершенно случайное, уличное. Я хотел попасть в китайский квартал и немного заблудился. Чтобы не идти по крутым сопкам, шел зигзагами по боковым улочкам и понял вдруг, что не знаю, где я. Было довольно малолюдно, а еще выбирал прохожего «поприличнее», увы, далеко не к каждому в Америке подойдешь просто так, скорее бы прошмыгнуть мимо — такие встречаются типы. Наконец я заприметил седовласого, «приличного» человека и спросил у него, как пройти на улицу Ван Несс. Он охотно объяснил — всего-то три блока вперед — и заинтересовался моим акцентом. А когда узнал, что я из Советского Союза, обрадовался и сказал, что бывал в нашей стране и у него остались очень приятные о ней воспоминания. Вы добрые и широкие люди, сказал Пол Бранд, чиновник информации из управления округа, наблюдающий за качеством воздуха в районе Залива. Оказывается, он был в нашей стране в составе группы экспертов, проехавших по городам Урала, Сибири. Он говорил о том, сколько у человечества проблем, чтобы не забивать себе головы дурацкими мыслями о ракетах, космическом щите. Пора всем вместе охранять нашу планету, говорил он, вот куда надо тратить миллиарды.

Вот ведь интересно, встретились люди просто на улице, а разговор сразу о самом насущном — о мире, о формах сотрудничества, о его необходимости. На тихой улице, вдали от перекрестков высокой дипломатии. Пол Бранд и являл собой, своей решительностью, практицизмом то, что называем мы сегодня народной дипломатией. В Америке не раз приходилось слышать — эх, если бы нам решать судьбы войны и мира, мы давно бы, обыкновенные люди, договорились. А вот политики нам мешают. Зерно истины здесь есть, действительно, трудно себе представить, встречаясь с симпатичными и доброжелательными людьми, что мы должны почему-то противостоять друг другу, видеть друг в друге врага. Но «образ врага» долго внедрялся в людское сознание, и политикам удалось отравить немало душ.

Я испытывал чувство гордости, все больше убеждаясь в том, что политика моей страны, выраженная в открытых, убедительных и убеждающих мирных предложениях, завоевывает все новых и новых сторонников в самой Америке. Это факт — голос советского народа дошел до нее. В Лос-Анджелесе на рекламных тумбах я видел плакат: «Если вы хотите знать самое важное, что происходит в мире, читайте «Лос-Анджелес таймс». Это текст, а на всю величину плаката разместилась фотография советского лидера — Михаила Сергеевича Горбачева. Вот так сегодня рекламируют свои газеты в Америке.

Я начал с Вашингтона, поэтому вернусь в Джорджтаун. Совсем неподалеку от университета, на одном из пересечений улиц, мне встретился замечательный дорожный знак. Собственно говоря, знак обыкновенный, который по международным правилам автовождения означает: движение без остановки запрещено. А снизу к нему была прикреплена табличка «all way», то есть «двустороннее движение». Но на самом знаке под надписью «stop» кто-то — порывистый студент или его мудрый профессор — дорисовал белой краской слово «war». И получился не дорожный знак, а политический плакат-призыв «Остановить войну!», потому что путь к этой высочайшей цели — и вправду дорога с двусторонним движением.

Хорошо, что этот знак-плакат появился в Вашингтоне!

Движение без остановки запрещено. Автомобилисты, нарушившие эту заповедь, рискуют попасть в дорожное происшествие. Я снова пользуюсь шоферскими терминами, ибо все, что ни происходит при столкновении на дороге,— это происшествие, а уж по тяжести последствий потом устанавливается: авария это или катастрофа.

В отношении угрозы ядерной войны, остановившей нас на перекрестке конца восьмидесятых и будущего, разночтений, кажется, нет уже ни у кого — не только для отдельных стран, но и для всей планеты это может обернуться только катастрофой.

Вот почему народы мира с такой надеждой ждут первого реального шага — уничтожения двух классов ракет, соглашение о котором должны скрепить своими подписями Генеральный секретарь ЦК КПСС и президент США. И верят, что этот шаг — только первый, голос разума и воля народов мира заставят пойти и дальше.

Ал. АВДЕЕНКО.
(Спец. корр. «Советской культуры»).
Фото автора.
ВАШИНГТОН — МОСКВА.

(Продолжение. Начало см. в № 144 от 3 декабря с. г.).

И снова «Дон Жуан»

На фестивале русских и советских драматических спектаклей, прошедшем в Чехословакии, студенческий театр МГУ представил «Дон Жуана».

Спектакль игрался в старинном замке, в городе Летомышле. Нужно заметить, что подобных — замковых — театров в Европе всего три, два из них в Чехословакии. Миниатюрный, изысканно декорированный, с княжеской ложей в центре двухъярусный зальчик и огромное пространство сцены, глубину которой еще более усиливают сохранившиеся декорации XVIII века, изображающие колоннаду с итальянским двориком внутри.

Но самое неожиданное для советского студенческого коллектива заключалось в том, что почти два века назад этот необыкновенный «карманный» театр открылся... «Дон Жуаном», который поставил хозяин замка барон Вальдштейн.

Г. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ.

● *Вашингтон. Напротив Белого дома. Нью-Йорк. Переход у Бродвея. Таких бездомных в США свыше трех миллионов.*

Телемост:

Семья Локшиных — «Донахью шоу»

Примерно год назад во время телевизионного моста, связавшего СССР с США, мы познакомились с семьей Локшиных, вынужденных покинуть свою родину и попросить убежища в нашей стране. Американские участники передачи утверждали, что очень скоро Локшины пойжут, каково жить в Советском Союзе, и попросятся обратно.

Прошло уже больше года. Хотелось бы вновь встретиться с семьей Локшиных на телеэкране.

Семья МАТВЕЕВЫХ.

ЛЕНИНГРАД.

В ночь с 3 на 4 ноября американцы вновь получили возможность встретиться и побеседовать со своими соотечественниками Локшиными, вот уже больше года живущими в Советском Союзе. Прямой телемост был организован советским телевидением и Филом Донахью, с которым наши телезрители за последнее время успели уже хорошо познакомиться.

Им хорошо известна и история доктора Арнольда Локшина и его семьи... Биохимик, изучающий механизм действия противоопухолевых лекарств, способы борьбы с раковыми заболеваниями, отчетливо помнит день 19 августа 1986 года. Тогда в Хьюстоне он обнаружил в своей лаборатории всех подопытных животных мертвыми. Десятки, сотни упорных экспериментов, напряженная работа в течение долгих месяцев — все насмарку по чьей-то злой воле. Вскоре безо всякого уведомления его увольняют. Это последнее звено в цепи кампании травли его самого, жены, даже детей. Локшины обращаются с просьбой предоставить им политическое убежище в Советском Союзе.

«Одержимый», «параноик», «перебежчик» — какими только эпитетами не награждали А. Локшина западные средства массовой информации. Фил Донахью организовал телемост. Реакция американской аудитории на Локшиных была тогда откровенно враждебной, да и сам телемост получился односторонним: Локшины даже не видели своих оппонентов, им приходилось с напряжением вслушиваться в реплики противоположной стороны. Ведущий передачи взял с Локшиных обещание встретиться в эфире через год.

И вот снова на телеэкране — Фил Донахью. Связь идет через спутник. Локшины — в одной из останкинских телестудий.

Как вам там живется? — вопрос первый, долгожданный.

«Я чувствую себя здесь хорошо, работаю,— отвечает Арнольд.— Это был прекрасный год». «Да, мы счастливы,— говорит Лоурен Локшин,— наша жизнь течет в нормальном русле, у нас есть все необходимое. Мы уже почти совсем адаптировались».

Дети подтверждают мнение своих родителей. Оказывается, и в Советском Союзе можно учиться, иметь друзей, играть в футбол, смотреть телевизионные передачи.

Очевидно, это не совсем тот ответ, которого ожидала большая часть аудитории в американской телестудии, поддерживавшей к тому же телефонную связь с внешней Америкой. Вновь, как и год назад, почувствовались в вопросах, репликах собравшихся по ту сторону телемоста недоверие, враждебность, вызов...

До сих пор многие из них не верят в то, что Локшиных действительно преследовали. Но вот прямой телефонный звонок в студию, откуда ведется репортаж «Донахью шоу», подтверждает, что такое в Соединенных Штатах вполне возможно. «С нами произошла подобная история»,— звучит где-то за океаном взволнованный женский голос.

И все-таки американская аудитория, похоже, не верит, что Локшиных вполне устраивает жизнь в СССР, что их не преследуют. «Если у меня возникнут проблемы с КГБ,— шутит Локшин,— то обещаю, что Фил Донахью будет первым, кто узнает об этом».

«Локшиных просто используют»,— безапелляционно заявляет американка в студии Донахью.

«Почему вы считаете, что мы говорим вам неправду? — обращается Локшин к соотечественникам.— Чтобы вам было понятнее, как мы жили в США, представьте, что вас по пять раз в день, регулярно, бьют молотком по голове. А потом это вдруг прекращается. Какова будет ваша реакция? Люди, которые окружают нас в Советском Союзе, относятся к нам с сердечной теплотой, неподдельной доброжелательностью».

Незадолго до передачи корреспондент ТАСС побывал в институте, где трудится ученый.

В лаборатории, которой руководит ныне Арнольд Локшин, 8 человек. Среди них два доктора и четыре кандидата наук.

«Работа этой лаборатории,— говорит директор института Онкологического центра Леонид Власович Мороз,— связана с поиском эффективных способов лечения злокачественных опухолей. Мы не создавали Локшину каких-то особых условий, он трудится точно так же, как и другие специалисты. Однако уже сейчас можно сказать, что лаборатории удалось получить неплохие результаты: в ряде институтов Академии наук используются модели, полученные в лаборатории Локшина, готовятся публикации в ведущих советских научных журналах».

«Арнольд очень приятный и общительный человек, настоящий профессионал»—это мнение его коллеги, доктора медицинских наук Елены Ревазовой.

Сотрудник лаборатории кандидат биологических наук Владимир Бергольц рассказывает, что именно благодаря энергии Локшина лаборатория за сравнительно короткий срок сумела наладить работу и, главное, в коллективе сложились дружеские отношения.

«Плоды кампании, развязанной против нашей семьи в США,— говорит с горечью сам Арнольд,— падают на хорошо удобренную долгими годами «холодной войны» почву. Многих американцев на протяжении десятилетий пичкали антисоветскими стереотипами, и они просто не могут понять, как это можно жить в таком «ужасном» месте, как СССР. Поэтому шаг, который совершила наша семья, поверг многих в шок».

Эфирное время истекает, телемост заканчивается. И вновь — договоренность с Филом Донахью о новой встрече во... спутниковой связи, когда выйдет из печати написанная Локшиными книга «Молчаливый террор». «Почему бы не издать эту книгу в Америке?» — задает на этот раз вопрос сам Арнольд.

«В Америке любят говорить о свободе печати,— говорит Лоурен Локшин.— В то же время на страницах ведущих американских изданий не найдешь ни одного автора, который бы открыто высказался в пользу социализма. Я бы могла регулярно писать объективные статьи для американской печати о том, что происходит в СССР». Ведущий популярного телешоу обещает оказать поддержку.

И все-таки, как нам показалось, в настроениях американской аудитории обозначился небольшой, пока еще едва заметный сдвиг. В зале появились люди, которых новая встреча с политэмигрантами из их родной страны в СССР заставляет задуматься — с телеэкрана хорошо видны их серьезные, внимательные глаза.

Что здесь сказывается — стремление нашей страны энергично наводить мосты с США, потепление международного климата, предстоящее соглашение по РСД — ОТР или, быть может, мужество американской семьи, стремящейся к тому, чтобы через завалы лжи к американской аудитории пробился лучик правды? Наверное, все вместе. «Если даже несколько тысяч американцев узнают правду о нашей семье, о жизни здесь, то и тогда мы будем считать, что сегодняшняя передача была «развычайно полезной» — это мнение Локшиных о передаче.

А. МИЗИНОВ,
М. СВЕТЛИЧНЫЙ.
(Корр. ТАСС).

Сегодня запись этого телемоста будет показана в 18.40 по первой программе Центрального телевидения.

Мы — из Саратова!

Концертный спектакль показали в эти дни москвичам и гостям столицы артисты Саратовской областной филармонии, приурочившие свой творческий отчет к ее пятидесятилетию.

В Государственном Центральном концертном зале прозвучали русские народные песни, произведения советских композиторов, арии из классических оперетт, были показаны балетные дуэты. Перед москвичами выступили также мастера художественного слова, артисты эстрады. Среди участников концерта — симфонический оркестр, которым дирижировал лауреат Всесоюзного смотра творческой молодежи М. Аинамамедов, дипломант всесоюзных конкурсов, струнный квартет, ансамбль балета. И конечно же, радость доставила слушателям встреча с известными вокалистами.

Прекрасно пел русские народные песни солист Саратовского театра оперы и балета, народный артист СССР Л. Сметанников. Лирично, душевно прозвучали произведения Ф. Легара в исполнении народной артистки РСФСР Н. Довгалевой. Горячие аплодисменты вызвал С. Алексашкин, в интерпретации которого вдохновенно прозвучала русская народная песня «Эй, ухнем!».

Гр. ГОГОБЕРИДЗЕ.

МИР МОДЫ

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Закончились таллинские Дни моды. Триста модельеров и не менее ста искусствоведов, художников, музейных работников, журналистов съехались сюда со всей страны. Они работали пять суток днем и ночью, чтобы выполнить программу первого Всесоюзного конкурса художников-модельеров. Сегодня мы знаем имена победителей этого уникального марафона, поимки и наиболее интересные выступления на первом Всесоюзном симпозиуме, посвященном моде, и постараемся об этом рассказать. Но начать хочется с другого.

Именно в Таллине сложились условия для проведения подобных конкурсов, для превращения острого соревнования и последующего яркого праздника победителей в традиционный ежегодный парад идей самого пока еще непрестижного, третируемого и недооцененного у нас искусства моделирования одежды. Нет на свете произведений, более массовых, чем одежда, обувь, ткани. И нет художников, более беспраных, чем текстильщики и модельеры.

Модельеры впервые увидели друг друга и узнали фамилии авторов выдающихся произведений искусства костюма здесь, на конкурсе, организованном Союзом художников СССР с привлечением Министерства легкой промышленности СССР и ЦК профсоюза работников культуры.

Так почему же именно в Таллине они встретились? Потому что идея смотра принадлежит Союзу художников Эстонии. Его председатель, лауреат Государственной премии СССР Энн Пылдроос считает, что мода — явление не только бытовой, но и духовной культуры, помогающей формировать глубинные свойства человеческой психики. Нет низких, второсортных, прикладных явлений культуры, говорит художник, и мода — один из важнейших ее аспектов.

Директор Дома художников Эвелин Мяйуси стала председателем оргкомитета конкурса модельеров. В разнообразных и достаточно комфортабельных залах Дворца культуры и спорта имени В. И. Ленина работало жюри, происходили вечерние встречи клуба моды, продавались уникальные костюмы и шла «Шоу-программа».

Я беседовала со многими участниками соревнований — и с молодыми, и с теми, кто отдал искусству костюма долгие годы,— мнение их единодушно: подобной встречи они ждали всю жизнь. Она позволила им определить свое место в ряду коллег, увидеть уровень мастерства соратников по искусству, понять, насколько идеи и образы, вынашенные в тиши мастерской, соответствуют потребностям времени.

Конкурс предложил авторам пять достаточно крупных тем: «Дети — наше будущее», «Тем, кому за 40», «Современная одежда по народным мотивам», «Свободная тема», «Мода как искусство». Жюри возглавил популярный эстонский график Хейнрих Валк, кроме него, еще 11 членов Союза художников СССР оценивали работы. Известные искусствоведы Марина Мерцалова, Светлана Донская, Ирина Андреева, Зинаида Шеренговая подвели итоги смотра на первом симпозиуме художников-модельеров. Первые премии получили Сайма Крикк (Таллин), Лен Гирин (Таллин), Валентина Куприна (Москва), Ингрид Дрезиньеце (Рига), Нонна Мелихова и Светлана Чалышева (Ленинград).

Пять первых премий для 304 участников — много это или мало? Если судить по международным стандартам и сравнивать наших мастеров с теми действительно великими художниками, которым Париж вручает премии «Оскар», можно считать решение жюри абсолютно справедливым. Еще десять человек, занявших вторые и третьи места, так же как лауреаты конкурса, поедут в Италию. Обсуждение моделей показало, что истинных взлетов фантазии было мало. Удручающее однообразие тем, ходов, приемов, повторяемость сюжетов и мотивов, проторенные дороги, избитые цветосочетания продемонстрировали многие участники. Протоколы заседаний жюри показывают, что треть моделей не получила ни одного голоса «за». Правда, здесь сказался демократизм соревнований. Участвовать в них могли и непрофессионалы, люди без художественного образования, самодеятельные художники. Увы, они в первую очередь и вышли из игры.

Наиболее огорчительным итогом смотра можно считать и то обстоятельство, что не только практика моделирования у нас в загоне. Теория моды в стране практически не разрабатывается, а специалистов по этим вопросам можно перечесть по пальцам одной руки.

В общем, таллинский конкурс подсказывает ответы на многие болезненные вопросы повседневности.

Таллинский конкурс — первая ласточка, но из тех, что, надеемся, сделают погоду. Эстонские художники обещают проводить его впредь каждый год в течение четырех ближайших лет.

Награждение победителей состоялось на теплоходе «Георг Отс». В далекое плавание по бурному морю изменчивой моды зовет он художников. Попутного им ветра.

С. ПАВЛОВА.
(Спец. корр. «Советской культуры»).

ТАЛЛИН.

● *Валентина Куприна (Москва). I время за современную одежду во народным мотивам.*

Фото Ю. Венделина.

СУДИТЕ САМИ

Незаконный ребенок

Если бы мы вдруг решили провести строгую границу между мужской и женской работой, на Верино место скорее всего пришлось бы подыскивать мужичка, да покрепче. Двенадцатичасовые смены, пост глубоко под землей — маленькая комнатка, через каждые полторы-две минуты сотрясаемая машинным грохотом. С ее специальностью можно было бы найти работу и полегче. Но там будут меньше платить.

Когда дежурство приходится на субботу или воскресенье, Вера приводит с собой Наташку. В одной сумке приносит книжки и игрушки, в другой — баночки с едой. Разогревает ее на плитке, устраивает кроватку, постилая ватник на сдвинутые стулья. Наташка знает, что мешать нельзя, сидит тихо, как мышонок. Все понимают: трехлетнему ребенку тут не место. Но выхода нет — не запирать же дома. На помощь дедушки — Верино... отца... рассчитывать нельзя. Для него Наташка — незаконный ребенок.

В принципе про каждого человека можно сказать, что он выбирает свою судьбу, но чаще это произносится с укоризной, в том смысле, что он сделал опрометчивый шаг. У Веры, наоборот, все было продумано до мелочей. Лет с двадцати, когда в их компании (ее подруги, друзья брата) прошел свадебный бум, она стала говорить, что замуж не выйдет, а в 27 лет родит. Все считали, что она кокетничает, даже мама, которая всегда строго следила за ней, останавливала, когда дочка слишком громко смеялась или выходила во двор в открытом сарафане — девушка должна вести себя скромно! — даже мама добродушно подыгрывала ей в разговорах о будущем ребенке. Ведь кто, как принято считать, становится матерью-одиночкой? Или дурочки, которые позволяют себя обмануть,— Вера для этого достаточно умна и самостоятельна, или дурнушки, на которых никто не польстился. А тут красивая девушка, может быть, самая красивая в своем окружении, веселая, общительная, жизнерадостная, из тех, кого на необитаемый остров помести — и там отыщутся поклонники...

Верин отец — человек пьющий. Ума, что называется, никогда не прошивал, но это было не его достоинством, а подвигом жены, всю душу положившей на то, чтобы не дать ему потерять лицо. Обхаживала его, облизывала, все терпела. Но Вера-то ведь с детства видела не фасад, а потайную изнанку их семейной жизни. Такая семья ей была не нужна. А другой не получилось бы ни с одним из женихов, появляющихся на горизонте. Все прихрамывали на ту же ногу. Они хорохорились, стараясь предстать перед Верой в наилучшем свете, а она заранее видела, как они вползают в дом, как вылупляют на нее мутные, бессмысленные глаза...

Отца своему будущему ребенку Вера выбрала по-деловому: чтобы был здоровый, умный, симпатичный, чтобы потом не противно было о нем вспоминать. Остальное не составляло проблемы. «Их только помани»,— перебирая по крышке стола двумя пальчиками, она показывает, как «они» поспешают на призыв. Я спросила, знает ли этот человек, что Наташа — его дочь. Вера засмеялась: «Догадывается. Я не хочу, чтобы он знал о нас,— ему и так хватает хлопот».

Себя она видела так: не девочка, твердо стоит на ногах — какая разница, замужем она или нет?

Но как только стало известно о беременности, ей в полной мере дали почувствовать эту разницу. Мать убивалась так, словно дочь совершила преступление: «Себя опозорила, нас всех, семью опозорила!» Отец, считая себя в полном праве вершить моральный суд, твердил, что эта... со своим... не переступит его порога. Родственники настаивали на аборте. Соседи — в пригородном поселке, где они живут, все всё знают друг о друге — перестали здороваться. Брат отмежевался: тебе решать — тебе отвечать. Вера пыталась объясниться с родными, но ее резонов никто не слушал: все так живут, ты что, лучше всех? Ни дня не проходило без слез.

Вера заранее приготовилась терпеть сердечную боль, которую испытает, когда ко всем в роддоме станут приходить счастливые отцы, а к ней не придет никто. Но оказалось, что это ее совершенно не задевает. Из дома ее не выгнали. Мама, как только развернули первый раз пеленки, заплакала, и больше никого дороже внучки для нее не стало. Но через несколько месяцев мама скоропостижно умерла — и началась, говорит Вера, их с Наташкой борьба за жизнь. Похороны, поминки — все, что было отложено, незаметно разошлось, остались вдвоем при 20 рублях государственного пособия. Сказать — не поверят, рядом отец, целый поли родни, а она бегала по чужим людям, перехватывая где рубль, где трешку, доедала остатки дочкиных кашек, а то и просто пила водичку. Кончилось дело больницей. Отец, овдовев, совсем потерял над собой контроль. Скандалил, мог употребить, как закуску, Наташкин ужин — Вера привозит ребенка из яслей, а кормить нечем. «Иду домой и трясусь — никогда не знаю, что меня ожидает».

Да и вообще их жизнь разительно отличается от умилительных стереотипов счастливого материнства и счастливого детства. Целая эпопея была, например, с устройством Наташки в садик, видимо, предстоит еще не одна, потому что ехать до сада — два с половиной часа, и бывает так, что звонят вечером и требуют срочно забрать ребенка, а Вера, умирая от желания помчаться, схватить, прижать к себе, должна отказываться — туда еще успеет доехать, а обратно на электричку не попадет. И каждая копейка на счету, и вечная усталость, и беготня по магазинам за тем, без чего сама бы обошлась. Но когда Вера пытается представить себе, как жила бы теперь без своего «рыжего солнышка»,— видит не радости и удовольствия, недоступные ей сегодня, а унылую, бесцветную пустоту. Самые счастливые часы для обеих — когда они вместе. Есть два табу: целоваться с собакой и купаться в бочке с водой для поливки огорода. В остальном же Вера старается на дочь не давить. Уже теперь они не просто мама с дочкой, а две подружки, знающие миллион способов порадовать, посмешить, поддержать друг друга.

Примерно год назад Наташа задала неизбежный вопрос: «А где наш папа?» — и получила давно приготовленный ответ: «Он приедет, когда мы вырастем». И поскольку мать не считает, что это больная тема, то и дочка воспринимает ее так же. «Она выработала свою защиту,— считает Вера,— повзрослеет, узнает больше, и защита станет крепче». Материнской любви девчонке хватает с избытком; веселый ребевок, спокойный, ясный — Вера, я думаю, не обманывается в своей уверенности, что с этой стороны осложнений не будет. Наташка очень тянется к дяде, Верину брату, иногда называет его папой, потому что слышит — так зовет его сын. Вера и в эти минуты не заламывает внутренние руки («Ах, моя бедная крошка!»), а, наоборот, заставляет себя радоваться, что мужчина, достаточно близкий и достаточно любящий, у ее ребенка есть.

Сильная, энергичная, уверенная в себе молодая женщина, ни перед чем не робеющая, умеющая постоять за себя. Такою ее видят люди, такова она, безусловно, и есть. Но когда я узнала Веру получше и поближе, стала улавливать за уверенным спокойствием какое-то неспадающее внутреннее напряжение. Всегда начеку, в состоянии полной боевой готовности. Заболевает, например, Наташка — обычные детские дела, ничего страшного,— у Веры такое самочувствие, что она не просто дает ей таблетки или ставит горчичники, а словно бы ведет бой с врагами, нагло высунувшими голову. И когда жар начинает спадать, они веселo говорят друг другу: «Ну что, прорвемся?» — «Прорвемся!»

Это состояние — боязнь расслабиться, вечное ожидание подвоха, подножки — за неимением более подходящего слова я назвала бы комплексом одинокой матери, потому что, по моим наблюдениям, ни у кого оно не проявляется с такой парализующей силой, как именно у женщин, которые растят детей без мужа. Делает одних агрессивными, других невротеничными, отравляет жизнь, передается детям.

Откуда этот комплекс?

С момента, когда — задолго до родов — приходится менять фасон платья, на женщину, решившуюся родить без мужа, начинает давить отношение окружающих. Почему-то никто не вызывает к себе столько жгучего интереса, столько любопытства, способного, кажется, прожечь танковую броню. Кто отец, как он себя поведет, что предпримет она, заставит ли его жениться или он сумеет вывернуться — как бесплатное кино! Когда начали гулять, а особенно переселили в открытую коляску — те же самые Верины соседи, которые с ней несколько месяцев не раскланивались, сбегались с другого конца улицы, чуть ли не обнюхивали девочку — на кого похожа? В поселке вычислили одного парня, на работе — другого. К обоим ходили депутации — стыдить, взывать к благородству, расписывать Верино безвыходное положение. Оба потом при встрече стали шарахаться. Единственный раз — очень уж он настаивал — Вера разрешила своему приятелю проводить их с Наташкой, пригласила попить чайку. И тут же в доме, который направо, кончилась соль, а в доме, который налево, экстренно потребовалась вчерашняя газета... Они? Или уже другой? Попробовали бы вы хоть месяц прожить под таким колпаком!

Это, однако, еще цветочки.

«Родить ребенка для себя — это преступление против ребенка. Всегда презирала таких женщин».

«Понарожали безотцовщины от алкоголиков, наркоманов и лезут везде без очереди. А как же, расступись, народ! А за какие заслуги? За то, что родила без мужа? Да это же позор, пятно несмываемое! О себе: рабочий, женат, имею дочь и презираю матерей-одиночек».

«Вы посмотрите, сколько развелось одиноких матерей, а ведь это потенциальная нелегальная проституция».

«У нас на улице живет мать-одиночка. Так ее не уважают, тыкают пальцем. А дети ее родные ее же и упрекают. Нет, лучше прожить жизнь одной, чем так мучиться».

«Хочется спросить: ради чего эти матери-одиночки требуют к себе особого внимания? Ради того, что нарушили моральное правило женщины, установленное человечеством? Я считаю, что создание для них благоприятных условий приведет к подрыву авторитета и необходимости создания семьи».

«Раньше таких женщин называли гулящими, а теперь им все блага. Да не жалеть их надо, а презирать...»

«Выдать им желтые паспорта...»

«Оплевать и забросать камнями...»

Это не просто отдельные высказывания отдельных людей. Это целый канал в общественном мнении. И я не удивляюсь, читая в письме, как целая семья (мать, отец, старшая сестра) мучается, бьется, унижается, вымаливая единственное — чтобы отец будущего ребенка пошел и расписался. Ему даются клятвенные обещания, что он тут же беспрепятственно разведется, ему гарантируют, что никогда не потребуют с него ни копейки. Борются так, словно речь идет о жизни и смерти,— не за отца для ребенка, не за мужа для дочери и сестры, не за семью, а за отметку о регистрации, хотя бы и фиктивную. Или другое письмо — горькая исповедь пожилой женщины, которая мечтала о ребенке, но в последнюю минуту испугалась, что не вынесет позора, и вот теперь доживает одинокая, никому не нужная. Кто же выиграл от этого. Чему радоваться?

Твердо знаю, что есть какая-то особая женская солидарность — по крайней мере в том, что касается материнства. Ты мать, я мать — это как поворот ключа, настраивающий две души на одну волну. Но среди писем, которые я цитировала, больше половины написано женской рукой. В том числе и про «желтый билет», и про «забросать камнями», и про то, что матерей-одиночек вообще нужно лишить всякой помощи — тогда и они получат по заслугам, и пример их послужит хорошим предостережением. Как я теперь вижу, льготы для этих матерей в отличие от всех других видов государственной помощи семьям значительным числом граждан встречены в штыки: на шею сели, из нашего рта кусок вырывают! Даже на страницах одного всеми любимого журнала, глазам своим не веря, прочла, что повышенное пособие — 20 рублей в месяц — себя не оправдало, поскольку способствует увеличению числа матерей-одиночек. Выходит, женщина заводит ребенка единственно ради того, чтобы сорвать этот куш — двадцатку?

«Терпи! Много тебе еще предстоит вынести, и слезы будут, и обиды, злые, колючие слова, и просто сплетни»,— пишет одна мать-одиночка другой, неопытной, растерявшейся. Не знает, где та жилет, кто с ней рядом, но не сомневается, что терпеть придется, потому что по-другому — не бывает.

Когда же это у нас появилось? Когда рождение ребенка стало считаться позором? Передо мной выписка из «Женского журнала» за 1927 год. Статья «Только об одном завоевании революции», а завоевание это — в безусловном, свободном праве женщины на любовь и материнство. Времена, когда беременность без замужества была страшным позором, прошли и не вернутся, радостно провозглашает автор. «Недавно я смотрела в театре пьесу «Без вины виноватые» и ушла с середины — для меня в пьесе не было никакой драмы, и я не могла сочувствовать героям». И рассказывает недавний случай: мать не хотела примириться с тем, что дочь решила родить. Дочь привлекла соседок. Это не были передовые женщины, но жены рабочих и мелких служащих — типичная мещанская среда. И тем не менее им удалось сломить старуху, и она стала любовно шить пеленки будущему внуку. Новые взгляды проникли в глубину, в толщу, это взгляды всего общества!

Так воспринимали мир и себя в нем женщины на десятом году революции. Граница между моральным и неморальным не казалась им прямой и грубой, как тракторная колея — по одну сторону те, у кого есть штамп в паспорте, а по другую те, у кого штампа нет. Их оскорблял взгляд на женщину как на человека, полноценность которого обеспечивает только брак, пребывание за мужем. Так как же рассудить: ушли мы вперед от этих представлений или, наоборот, отступили назад?

Может ли незамужняя женщина быть счастливой матерью? Может ли она нормально растить своего «незаконного» ребенка, заменяя ему отсутствующего отца? Наверное, это зависит не столько от нее и от обстоятельств, сколько от того, сумеем ли мы снять моральный пресс, который давит так немилосердно, что «прорвались», пользуясь Верным словечком, удается лишь очень сильным, незаурядным женщинам.

И, может быть, начать надо с того, чтобы вывести из употребления слово-ярлык «мать-одиночка», которое всех унижает, угнетает, оскорбляет? «Какая я одиночка? Со мной моя девочка. А вот отведу Наташку в школу, будет у нас и братик. Не разрешат врачи родить — усыновим. Даже если мы не найдем себе хорошего папу, будет у нас самая настоящая семья!» Вера это твердо решила, а от принятых решений она никогда не отступает.

Далила АКИВИС.

ШАХМАТНЫЙ КОНКУРС

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Что же такое шахматы? Чем привлекает к себе древняя игра? На эти непростые вопросы по-своему отвечает почти каждый участник нашего конкурса. В письмах читателей есть немало интересных суждений. Высказывания рядовых любителей попытался сформулировать ленинградский профессор (в области металловедения) А. Попандопуло, по «совместительству» — известный шахматный композитор, международный мастер.

Итак.

Шахматы — это увлечение и даже больше — призвание. Но это и борьба, спорт.

Шахматы — это искусство, «облагораживающе воспитывают» и «пробуждают чувство восхищения красотой игры.

Шахматы — это наука. Они развивают склонности не только к анализу, но и к синтезу однородных или разнородных идей, отвергают шаблонное мышление, подталкивают к принятию оригинальных и нестандартных решений.

Шахматы — это вечный поиск. Они оттачивают интуицию и фантазию — основу любого творческого процесса.

Композицией А. Попандопуло начинаем заключительный тур нашего конкурса.

№ 61

Мат в 16 ходов

№ 62

Выигрыш

Составил этюд профессор-металлург В. Брон, гроссмейстер по шахматной композиции.

В программе этого цикла также произведения составителей, не имеющих спортивных званий и титулов.

№ 63. Б. Крс8, Сс5, п. п. а6, h6; Ч. Крв8, п. п. d4, f7. Мат в 5 ходов. Автор Л. Тамков, член Союза архитекторов СССР.

№ 64. Б. Крf6, Сb1, Кс6, Кd1, п. п. а6, h4; Ч. Крв8, п. п. а3, b4, d3, d4, d5, h5. Мат в 7 ходов. Автор В. Сычев, по профессии строитель.

№ 65. Б. Крd1, Фd8, Лg8, Кd7, Ке2, п. п. f2, f5; Ч. Крe4, п. b7. Мат в 2 хода. А. Седлецкий, инженер.

Ответ на каждое задание просим присылать на отдельной открытке.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

НАШ АДРЕС: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская улица, дом 73. Телефоны: для справок — 285-78-02, отдел писем — 214-61-22.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Индекс 50126. Б 07084. Изд. № 3430.